

- [Лессинг Готхольд-Эфраим](#)

-

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Лессинг Готхольд-Эфраим

Минна фон Барнхельм, или солдатское счастье

Готхольд-Эфраим Лессинг

Минна фон Барнхельм, или солдатское счастье

Комедия в пяти действиях

Действующие лица

Фон Тельхейм, майор в отставке.

Минна фон Барнхельм.

Граф фон Брухзаль, ее дядя.

Франциска, ее горничная.

Юст, слуга майора.

Пауль Вернер, бывший вахмистр майора.

Хозяин.

Дама в трауре.

Фельдъегерь.

Рикко де ля Марлиньер.

Действие попеременно разыгрывается в зале гостиницы и в одной из прилегающих к ней комнат.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Явление первое

Юст (забился в угол, дремлет и бормочет во сне). Ну и негодяй хозяин! Ты - нас?.. А ну-ка, брат!.. Бей его, брат! (Замахивается во сне и просыпается от этого движения.) Скажи-ка, опять! Стоит мне вздремнуть, как я уже молочу его кулаками. Хоть бы половина всех этих ударов досталась ему наяву! А ведь уже день! Надо поскорее разыскать моего бедного барина. Будь на то моя воля, он не переступил бы больше порог этого проклятого дома. Где-то он провел ночь?

Явление второе

Хозяин гостиницы, Юст.

Хозяин. Доброе утро, господин Юст! Доброе утро! Ох, так рано уже на ногах? Или, лучше сказать, - так поздно еще на ногах?

Юст. Говорите, как хотите.

Хозяин. Я сказал только "доброе утро". За это господин Юст мог бы поблагодарить меня.

Юст. Покорнейше благодарю.

Хозяин. Кто не почивал как следует, тот зол на весь мир. Бьюсь об заклад, господин майор не вернулся домой, а вы здесь поджидали его.

Юст. Попали пальцем в небо.

Хозяин. Это только догадка, догадка...

Юст (поворачивается, хочет уйти). Ваш слуга!

Хозяин (удерживает его). Да нет же, господин Юст.

Юст. Хорошо, пусть не ваш слуга.

Хозяин. Эх, господин Юст, ведь не может того быть, чтобы вы все еще сердились со вчерашнего дня? Кто же и назавтра продолжает гневаться?

Юст. Я. И не один еще день буду гневаться.

Хозяин. Разве это по-христиански?

Юст. А это по-христиански - вытолкать из дома, выбросить на улицу честного человека, если он не может сразу же заплатить по счету?

Хозяин. Тьфу! Кто же это ведет себя так безбожно?

Юст. Один христианин - хозяин гостиницы. Моего барина! Такого человека! Такого офицера!

Хозяин. И это я, говорите вы, вытолкал его из дома? Выбросил на улицу? Но я слишком почитаю офицеров и слишком сочувствую офицерам в отставке, чтобы позволить себе это. Я переселил его в другую комнату по необходимости. Не думайте больше об этом, господин Юст. (Кричит за кулисы.) Эй! - Сейчас я все это улажу!

Входит Слуга.

Принеси рюмку... Господину Юсту хочется выпить. Да чего-нибудь получше.

Юст. Не трудитесь, хозяин. Пусть та капля превратится в яд... Да нет, не буду лучше клясться натошак, ведь я еще трезвый.

Хозяин (слуге, принесшему бутылку ликеру и рюмку). Подай сюда, иди. Ну, господин Юст, превосходнейшая вещь! Крепкая, приятная, полезная для здоровья! (Наполняет рюмку и подает Юсту.) Сразу взбодрит ваш отощавший желудок.

Юст. Эх, не следовало бы мне пить. Но с какой стати я буду платиться своим здоровьем за его грубость? (Берет рюмку и пьет.)

Хозяин. Ваше здоровье, господин Юст.

Юст (возвращая рюмку). Недурно! И все-таки вы, хозяин, грубиян!

Хозяин. Да нет же, нет же! Вот скорей - еще рюмочку. На одной ноге не стоят.

Юст (пьет). Поневоле скажешь: хорошее вино, очень хорошее! Собственного изделия, господин хозяин?

Хозяин. Да что вы! Настоящий данцигский ликер! Настоящий доппельлакс!

Юст. Видите, хозяин: умею я кривить душой, уж я покривил бы из-за этого винца. Но не могу. У меня что на уме, то на языке: вы все-таки грубиян, хозяин!

Хозяин. За всю мою жизнь ни одна живая душа не обзывала меня так. Еще рюмочку, господин Юст. Бог троицу любит.

Юст. Что же, выпьем! (Пьет.) Эх, благодать! Но и в правде - тоже благодать. Вы все-таки грубиян, хозяин.

Хозяин. Разве я так вот слушал бы вас, будь я и в самом деле грубиян?

Юст. Ну, разумеется! Ведь у грубиянов толстая кожа.

Хозяин. Не хотите ли пропустить еще одну? Дом строится о четырех углах.

Юст. Нет, что лишнее, то лишнее. Да и вам какая от этого польза, хозяин? Опорожни я до последней капли эту бутылку, я бы все-таки стоял на своем. Тьфу, хозяин! У вас такое доброе винцо - и такие дурные обычаи. Это моего-то барина, который так долго прожил у вас... у которого вы уже вытянули не один добрый талер, а он за всю жизнь никому не задолжал и геллера... и такого-то человека вы в его отсутствие выселяете из комнаты! Оттого, видите ли, что он неаккуратно платил каких-нибудь два месяца да не мог расходовать так много, как прежде!

Хозяин. Но если комната была мне крайне нужна? Если я знал, что господин майор и сам, по собственной воле освободил бы комнату? Только что долго было его дожидаться... Разве я мог допустить, чтобы приезжая особа повернула от моих дверей? Разве я мог добровольно бросить такой барыш прямо в пасть хозяину другой гостиницы? Да и трудно даже поверить, чтобы дама нашла где-нибудь пристанище. Все гостиницы теперь битком набиты. Разве можно было оставить такую красивую, приятную молодую даму на улице? Для этого ваш барин слишком учтив. И какой ему от этого убыток? Разве я не приготовил ему другую комнату?

Юст. Да, на задворках, у голубятни, с видом на стену соседнего дома.

Хозяин. Вид был великолепный, пока этот головорез сосед не застроил его. А комната ведь премилая... Оклеена обоями...

Юст. Была оклеена!

Хозяин. Что вы! Одна стена и теперь еще в обоях. И ваша каморка тут же, рядышком, господин Юст. Чего нехватает этой каморке? Даже камин в ней есть. Правда, зимой он дымит...

Юст. Но зато летом в полной исправности... Хозяин, сдается мне, что вы же еще и глумитесь над нами?

Хозяин. Что вы, что вы, господин Юст! Господин Юст!..

Юст. Не дразните господина Юста. Как бы он...

Хозяин. Я дразню вас? Да это все - данцигский ликер!

Юст. Такого офицера, как мой барин! Или вы полагаете, что офицер в отставке уже не офицер? Что он не может переломать вам ребра? Отчего это вы так лебезили перед нами во время войны, господа трактирщики? Отчего тогда каждый офицер был для вас достойный человек, каждый солдат - честный, бравый парень? А чуть отведали мирной жизни - уже нос кверху!

Хозяин. Что вы так горячитесь, господин Юст?

Юст. Я буду горячиться.

Явление третье

Фон Телльхейм, Хозяин, Юст.

Фон Телльхейм (входя). Юст!

Юст (думая, что его окликает хозяин). Юст? Что мы с вами - детей крестили?

Фон Телльхейм. Юст!

Юст. Сдается мне, что я для вас - господин Юст.

Хозяин (увидев майора). Т-сс, т-сс, господин, господин, господин Юст!" Оглянитесь! Ваш барин.

Фон Телльхейм. Юст, ты, кажется, ссорисься? А что я тебе приказал?

Хозяин. О ваша милость! Ссориться! Боже сохрани! Чтобы ваш покорнейший слуга стал ссориться - и с кем? С человеком, который имеет счастье служить вам?

Юст. Руки чешутся съездить по спине эту льстивую собаку.

Хозяин. Господин Юст заступается, правда, за своего барина и слегка горячится. Но он прав. И я ценю его еще больше. Я люблю его за это.

Юст. Дать бы ему по зубам!

Хозяин. Жаль только, что он горячится понапрасну. Я ведь совершенно уверен что не впаду в немилость у вашей милости оттого, что... нужда... заставила...

Фон Телльхейм. Довольно, сударь! Я вам задолжал, вы в мое отсутствие выставили мои вещи из комнаты. Вам надо уплатить; а я должен найти себе приют в другом месте. Очень просто!

Хозяин. В другом месте? Вы хотите переехать, сударь? О, несчастный я человек! Погибший человек! Нет, никогда! Пусть уж лучше дама освободит помещение. Господин майор не может, не хочет уступить ей комнату; это его комната. Пусть она уезжает; я не могу ей помочь... Иду, сударь...

Фон Телльхейм. Дружище, хватит и одной глупости. Дама должна остаться в этой комнате...

Хозяин. И ваша милость могли подумать, что я из недоверия... из боязни за свои деньги... Будто я не знал, что ваша милость может заплатить мне, как только вздумает!.. Запечатанный кошелек с надписью: "Пятьсот талеров в луидорах", который ваша милость оставили в ящике конторки, хранится в верных руках...

Фон Телльхейм. Надеюсь, как и все остальные мои вещи. Вы выдадите их Юсту, когда он заплатит по счету.

Хозяин. Право, я страшно испугался, когда нашел кошелек. Я всегда считал вашу милость человеком аккуратным, осмотрительным, который никогда не расходует своих денег до последнего. Но все же... если бы я предполагал, что в конторке лежат наличные деньги...

Фон Телльхейм. Вы обошлись бы со мною учтивее. Понимаю... Идите, хозяин... оставьте меня. Мне нужно поговорить с моим слугой,

Хозяин, Но, сударь!

Фон Телльхейм. Идем, Юст, господин хозяин не желает, чтобы я давал тебе распоряжения в его доме.

Хозяин. Ухожу, сударь. Весь мой дом к вашим услугам.

Явление четвертое

Фон Телльхейм, Юст.

Юст (топает ногами и плюет вслед хозяину). Тьфу!

Фон Телльхейм. Что с тобой?

Юст. Я задыхаюсь от злобы.

Фон Телльхейм. Как бы тебя удар не хватил!

Юст. А вы, сударь, я просто вас не узнаю больше! Умереть мне на этом месте, если вы не стали чуть что не покровителем этого коварного бездушного плута! Пусть меня повесят, колесуют, я... я... задушил бы его вот этими руками... растерзал бы его вот этими зубами...

Фон Телльхейм. Животное!

Юст. Лучше животное, чем такой вот человек, с позволения сказать!

Фон Телльхейм. Чего же ты, однако, хочешь?

Юст. Я хочу, чтобы вы почувствовали, как сильно вас оскорбили.

Фон Телльхейм. А потом?

Юст. Чтобы вы отомстили за себя... Да нет! Для вас это слишком ничтожная личность...

Фон Телльхейм. Чтоб я, значит, поручил отомстить за меня тебе? Я так и порешил с самого начала... Чтобы он меня не видел больше, а деньги по счету получил из твоих рук. Я знаю, ты с достаточно презрительным видом

умеешь швырнуть полную пригоршню денег...

Юст. Вот как? Хороша месть!

Фон Телльхейм. Но все это - потом. Пока у меня нет ни геллера наличными. И я не знаю, как мне раздобыть денег.

Юст. Ни геллера наличными? А что за кошелек - пятьсот талеров - хозяин нашел в вашей конторке?

Фон Телльхейм. Эти деньги отданы мне на сохранение.

Юст. Не те ли это сто пистолей, что принес недель пять тому назад ваш бывший вахмистр?

Фон Телльхейм. Те самые. Это деньги Пауля Вернера. А что?

Юст. И вы еще не истратили их? Барин, этими деньгами вы можете распорядиться, как хотите. Сам готов держать ответ.

Фон Телльхейм. В самом деле?

Юст. Вернер слышал от меня, что главное военное казначейство тянет с уплатой денег, причитающихся вам. Он слышал от меня...

Фон Телльхейм. Что я впал бы в нищету, если бы уже и без того не был нищим. Я очень тебе обязан, Юст. И это известие заставило Вернера поделиться со мною своими скудными средствами? Ну, я рад, что отгадал это. Послушай, Юст. Приготовь и ты мне свой счет; нам надо расстаться.

Юст. Что? Как?

Фон Телльхейм. Молчи, кто-то идет.

Явление пятое

Дама в трауре, фон Телльхейм, Юст.

Дама. Прошу прощения, сударь.

Фон Телльхейм. Кого вы ищете, сударыня?

Дама. Как раз того достойного человека, с которым я имею честь разговаривать. Вы не узнаете меня? Я вдова вашего бывшего штаб-ротмистра.

Фон Телльхейм. Боже мой, сударыня! Как вы изменились!

Дама. Я только что оправилась от болезни, постигшей меня после моей горестной утраты. Я вынуждена, несмотря на ранний час, побеспокоить вас, господин майор. Я еду в деревню, где одна сострадательная и тоже несчастная приятельница предложила мне приют на первое время.

Фон Телльхейм (Юсту). Иди, оставь нас одних.

Явление шестое

Дама, фон Телльхейм.

Фон Телльхейм. Будьте откровенны, сударыня. Передо мною вам не приходится стесняться вашего несчастья, Чем я могу вам помочь?

Дама. Господин майор...

Фон Телльхейм. Как я сочувствую вам, сударыня. Чем могу служить вам? Вы знаете, что ваш супруг был моим другом; моим другом, говорю я. Редко кого я называл этим словом.

Дама. Кто лучше меня знает, как достойны вы были его дружбы, как он был достоин вашей! Вы были бы его последней мыслью, ваше имя - последним звуком, произнесенным его устами перед смертью... если бы природа не предоставила эту печальную привилегию его несчастному сыну, его несчастной жене...

Фон Телльхейм. Перестаньте, сударыня. Хотелось бы и мне плакать вместе с вами, но сегодня у меня нет слез. Пощадите меня! Вы пришли ко мне в такую минуту, когда я легко мог бы поддаваться соблазну и возроптать на провидение. О мой честный Марлоф! Приказывайте скорее, сударыня! Если я могу быть вам полезным, если я тот, который...

Дама. Я не могу уехать, не исполнив его последней воли. Незадолго до своей кончины он вспомнил, что умирает вашим должником, и взял с меня клятву, что я заплачу этот долг, как только у меня будут деньги. Я продала его вещи и приехала, чтобы вернуть этот долг.

Фон Телльхейм. Как, сударыня? И для этого вы приехали?

Дама. Да, для этого. Разрешите отсчитать вам деньги!

Фон Телльхейм. Нет, нет, сударыня! Марлоф был должен мне? Едва ли это возможно! Посмотрим. (Вынимает записную книжку и начинает искать.) Ничего не нахожу.

Дама. Вы, наверное, куда-нибудь засунули его расписку, но расписка не имеет никакого значения. Разрешите...

Фон Телльхейм. Нет, сударыня, такие вещи я не имею обыкновения терять. Если расписки нет, это значит, что ее никогда не было или же что долг погашен и расписка возвращена.

Дама. Господин майор!

Фон Телльхейм. Да, сударыня. Марлоф ничего мне не должен. Да я что-то и не припомню, чтобы он когда-либо занимал у меня, Да, да, именно так, сударыня. Скорее я остался его должником. Мне никогда не удавалось отплатить человеку, который шесть лет делил со мной счастье и невзгоды, честь и опасность. Я не забуду, что у него остался сын. Он будет мне сыном, как только я смогу быть ему отцом. Затруднительное положение, в котором я сам нахожусь теперь...

Дама. Вы великодушны, сударь! Но и меня не ставьте слишком низко. Возьмите эти деньги, господин майор. И я по крайней мере успокоюсь...

Фон Телльхейм. Что вам еще нужно для вашего спокойствия, кроме

заверения, что мне эти деньги не принадлежат? Или вы хотите, чтобы я обобрал малолетнего сироту моего друга? Чтоб обобрал его, сударыня? Ведь это была бы кража в полном смысле слова. Ему принадлежат эти деньги. Для него вы и сберегите их.

Дама. Я понимаю вас; простите меня, если я еще не умею как должно принимать благодеяния. Но вы-то, откуда вы знаете, что ради сына мать делает то, чего она никогда не сделала бы для спасения собственной жизни? Я ухожу...

Фон Телльхейм. Идите, сударыня, идите, счастливого пути. Я не прошу вас дать о себе весточку, она может прийти в такую минуту, когда пользы от этого будет мало. Но еще одно слово, сударыня! Я чуть-чуть не позабыл самого главного. Марлофу еще кое-что причиталось в казначействе нашего бывшего полка. Его притязания так же справедливы, как и мои. Если заплатят мне, то должны заплатить и ему. Я ручаюсь за это...

Дама. О сударь!.. Нет, я молчу... Так подготовить почву для будущих благодеяний - это в глазах господа то же самое, что уже совершить их. Примите его награду и мои слезы. (Уходит.)

Явление седьмое

Фон Телльхейм.

Фон Телльхейм. Бедная великодушная женщина! Не забыть уничтожить эту бумажонку (он вынимает из бумажника разные записки и рвет их). Кто мне порукой в том, что собственная нужда не заставит меня когда-нибудь воспользоваться этими документами?

Явление восьмое

Юст, фон Телльхейм.

Фон Телльхейм. Это ты?

Юст (вытирая глаза). Да.

Фон Телльхейм. Ты плакал?

Юст. Я писал счет на кухне, а она полна дыму. Вот счет, сударь.

Фон Телльхейм. Дай сюда.

Юст. Сжальтесь надо мной, барин. Я знаю, правда, что к вам-то люди безжалостны, но...

Фон Телльхейм. Чего ты хочешь?

Юст. Я скорее ждал собственной смерти, чем расчета.

Фон Телльхейм. Я не могу больше пользоваться твоими услугами. Придется мне привыкнуть к тому, чтобы обходиться без слуги. (Разворачивает счет и читает.) "Что должен мне господин майор: жалованье за три с половиной месяца, по шести талеров в месяц, всего двадцать один

талер. С первого сего месяца издержал на мелочи: один талер семь грошей девять пфеннигов; всего: двадцать два талера семь грошей девять пфеннигов". Хорошо! И справедливость требует, чтобы за этот месяц я заплатил тебе сполна.

Юст. Прочитайте на другой стороне, господин майор.

Фон Телльхейм. Это еще не все? (Читает.) "Что я должен Господину майору: фельдшеру заплачено за меня двадцать пять талеров. На мое содержание и уход за мной во время лечения - тридцать девять талеров. Моему отцу-погорельцу, потерявшему все свое добро, выдано по моей просьбе пятьдесят талеров, не считая двух лошадей, подаренных моему отцу господином майором... Всего я должен сто четырнадцать талеров. За вычетом вышеприведенных двадцати двух талеров семи грошей девяти пфеннигов остаюсь должен господину майору девяносто один талер десять грошей три пфеннига". Да ты, брат, не в своем уме!

Юст. Охотно верю, что я обхожусь вам гораздо дороже. Но вписать все это в счет - зря чернила тратить. Мне с вами и не расплатиться. А если вы отберете у меня ливрею, которую я еще не отработал полностью, - то... то уж лучше бы дали вы мне подохнуть в лазарете!

Фон Телльхейм. За кого ты меня принимаешь? Ты ничего не должен мне, и я хочу рекомендовать тебя моему знакомому, у которого тебе будет житья лучше, чем у меня.

Юст. Я ничего не должен вам, и все же вы гоните меня?

Фон Телльхейм. Потому - что я не хочу задолжать, тебе.

Юст. Поэтому? Только поэтому? Как верно то, что я у вас в долгу, а вы моим должником стать не можете... так же верно и то, что грешно вам гнать меня. Делайте, что хотите, господин майор, но я остаюсь у вас; я должен остаться у вас.

Фон Телльхейм. А твое упрямство, твоя строптивость, дикая вражда ко всем, кто, по-твоему, не смеет указывать тебе? Твое ехидное злорадство, мстительность...

Юст. Браните меня, как хотите, а я не стану думать о себе хуже, чем о моей собаке. Прошлой зимой иду это я под вечер вдоль канала и слышу визг. Я спустился вниз и пошел на голос; думал, что спасаю ребенка, а вытащил пуделя. И то дело, подумал я. Пудель пошел за мной. Но я не любитель пуделей. Я гнал его, но напрасно; бил его, напрасно - он не уходил. Ночью я не впустил его к себе в каморку, он остался на пороге, у дверей. Я отшвыривал его, когда он попадался мне под ноги: он лаял, смотрел на меня и вилял хвостом. Из моих рук он еще не получил ни крошки хлеба, и все-таки он слушается только, меня, только мне разрешает

до себя дотронуться. Он прыгает предо мною и показывает мне свои фокусы, даже не дожидаясь моего приказания. Это безобразный пудель, но хорошая, очень хорошая собака. Если он и впредь будет вести себя так, я, пожалуй, перестану сердиться на пуделей.

Фон Телльхейм (в сторону). Как я на него! Нет, и в плохих людях есть хорошее. Юст, ты останешься у меня.

Юст. А как же иначе! Вы хотели обойтись без слуги? Вы забываете о ваших ранах и о том, что владеете только одной рукой? Вы не в состоянии сами одеться. Вы не можете обойтись без меня. Я... господин майор, скажу не хвалясь, я слуга, который... если уж все клином сойдется, станет просить милостыню и воровать для своего барина.

Фон Телльхейм. Юст, ты не останешься у меня!

Юст. Да уж хорошо!

Явление девятое

Слуга, фон Телльхейм, Юст.

Слуга. Пст! Приятель!

Юст. Что вам нужно?

Слуга. Не можете ли вы мне сказать, где найти офицера, который вчера жил в этой комнате? (Указывает на комнату, из которой сам только что вышел.)

Юст. Это нетрудно. Что вы принесли ему?

Слуга. То, что мы всегда приносим, когда не приносим ничего: извинения. Моя госпожа узнала, что его выселили из-за нее. Моя госпожа знает приличия и поэтому послала меня с извинениями.

Юст. Ну, и просите у него извинения, вот это он и есть.

Слуга. Кто он? Как его зовут?

Фон Телльхейм. Дружище, я уже знаю, с чем вы пришли. Со стороны вашей госпожи это излишняя вежливость, и я оценил ее по достоинству. Передайте ей поклон... Как зовут вашу госпожу?

Слуга. Как ее зовут? Ее величают сударыней.

Фон Телльхейм. А как ее фамилия?

Слуга. Не знаю, не слышал, а спрашивать - не мое дело. Я так норовлю, чтобы менять господ каждые полтора месяца. Только чорту под стать запомнить все их имена.

Юст. Вот это правильно, приятель.

Слуга. К этой барыне я поступил лишь несколько дней тому назад в Дрездене. Кажется, она разыскивает здесь своего жениха.

Фон Телльхейм. Довольно, дружище. Я хотел узнать фамилию вашей госпожи, но не ее тайны. Ступайте.

Слуга. Этот барин - не по моему, брат, нутру!

Явление десятое

Фон Телльхейм, Юст.

Фон Телльхейм. Прими все меры, Юст, все меры, чтобы мы могли поскорее оставить этот дом. Вежливость этой дамы показалась мне обиднее, чем грубость хозяина. Возьми этот перстень, единственную драгоценность, оставшуюся у меня, - никогда я не помышлял сделать из нее такое употребление! Заложи его. Возьми за него восемьдесят фридрихсдоров; счет хозяина едва ли составит тридцать. Заплати ему и заberi мои вещи... Да, но куда же?.. Куда тебе вздумается. Самая дешевая гостиница будет лучше всего. Ты найдешь меня рядом, в кофейне. Я уйду. Надеюсь, ты хорошо справишься со своей задачей.

Юст. Не беспокойтесь, господин майор.

Фон Телльхейм (возвращается). Не забудь прежде всего мои пистолеты, что висят над постелью.

Юст. Я ничего не забуду.

Фон Телльхейм (возвращается снова). Да еще вот что: заberi с собою и пуделя. Слышишь, Юст?

Явление одиннадцатое

Юст. Пудель от нас не отстанет. Это уж его забота! Ба! Значит, и драгоценный перстень еще был у барина? И он носил его в кармане, а не на пальце? Ну, друг хозяин! Мы еще не такая голь, как может показаться! У него, у него у самого я заложу тебя, прекрасный перстенок. Я знаю, хозяин из себя выйдет от того, что мы не проедем тебя целиком в его доме! А...

Явление двенадцатое

Пауль Вернер, Юст.

Юст. Да это ты, Вернер! Здорово, Вернер! Добро пожаловать в городе!

Вернер. Проклятая деревня! Никак не могу опять приноровиться к ней. Радуйтесь, ребята, радуйтесь! Я принес вам звонкой монеты. Где майор?

Юст. Как же вы разминулись? Он только что спустился по лестнице.

Вернер. Я пришел по черному ходу. Ну, как он? Я побывал бы у вас еще на прошлой неделе, только...

Юст. Ну? Так что же задержало тебя?

Вернер. Юст, слышал ли ты о князе Ираклии?

Юст. Ираклии? Что-то не слыхивал.

Вернер. И тебе ничего не известно о великом герое Востока?

Юст. Я знаю волхвов с Востока, которые под Новый год слоняются со звездой.

Вернер. Да ты, малый, я вижу, и газеты читаешь так же редко, как Библию! Князя Ираклия не знаешь? Того удальца, что завоевал Персию и в ближайшие дни изорвет Оттоманскую Порту? Слава богу, что где-то на земле еще идет война, Я так долго надеялся, что здесь у нас опять запахнет порохом. Но тут сидят и зализывают раны. Нет, я был солдатом и снова буду им. Коротко говоря (боязливо озирается, не подслушивает ли кто), я тебе скажу по секрету, Юст: я отправлюсь в Персию, чтобы под начальством его королевского высочества князя Ираклия совершить несколько походов против турок.

Юст. Ты?

Вернер. Я, как ты меня видишь. Наши предки, не жалея сил, сражались с турками, и нам бы следовало действовать так же, будь мы честными людьми и добрыми христианами. Конечно, я понимаю, что идти на турок и вполнину не так весело, как воевать с французами; но тем больше выгод от такого похода и в этой и в будущей жизни. У турок все сабли разукрашены бриллиантами, Юст.

Юст. Я и шагу не сделаю для того, чтоб такой саблей мне размозжили голову. Ведь ты же не спятил и не покинешь свою чудную усадьбу?

Вернер. О, ее я забираю с собою. Понял? Я продал это именье!

Юст. Продал?

Вернер. Тсс! Вот сто дукатов, которые я вчера получил в задаток: я принес их майору.

Юст. Для чего?

Вернер. Для чего? Чтобы он их истратил, проиграл, пропил, прокутил, про... как ему вздумается. Майору нужны средства. Плохо, конечно, что ему приходится с таким трудом вырывать у казны собственные деньги. Но я-то на его месте знал бы, что мне делать! Я сказал бы себе: к черту вас всех! и махнул бы с Паулем Вернером в Персию! О! Князь Ираклий наверно слышал о майоре фон Тельхейме, а пожалуй что и о бывшем его вахмистре Пауле Вернере. Дело при Каценхойзере...

Юст. О нем и я мог бы тебе порассказать...

Вернер. Ты - мне? Я вижу, что хорошая диспозиция не по твоему разуму. Я не стану метать бисер перед свиньями. Вот возьми эти сто дукатов, передай их майору. Скажи, что я опять принес ему деньги на хранение. А я спешу на базар. Я послал туда две меры ржи; выручку за них майор тоже может получить немедленно.

Юст. Вернер, ты предлагаешь деньги от всего сердца. Но нам они не нужны. Возьми свои дукаты, да и сто пистолей можешь получить обратно в целости, когда только тебе вздумается.

Вернер. Вот как! Майор, значит, еще при деньгах?

Юст. Нет.

Вернер. Занял где-нибудь?

Юст. Нет.

Вернер. А на что же вы живете?

Юст. В долг живем, а когда уж больше не хотят записывать на счет и выкидывают нас из дому, мы закладываем то, что еще осталось у нас, и переезжаем в другое место. Послушай, Пауль, с хозяином гостиницы нам надо бы сыграть какую-нибудь шутку.

Вернер. Он досаждаёт майору? Я готов.

Юст. А что, если подстеречь его ночью, когда он возвращается из трактира, и хорошенько вздуть?

Вернер. Ночью? Подстеречь? Двое - на одного? Нет, это не дело.

Юст. А если поджечь его дом?

Вернер. Палить и жечь? Парень, видать, что ты не строевой солдат, а из обозных.

Юст. Или обесчестить его дочь? Правда, она чертовски некрасива.

Вернер. Ну, тогда она уже давно прошла через это. И тут уж тебе никак не нужен помощник! Но из чего так стараться? Что случилось?

Юст. Пойдем, я расскажу тебе, какие здесь дела творятся...

Вернер. Значит, все идет вверх дном?

Юст. Да, да, идем же!

Вернер. Тем лучше! В Персию, брат, в Персию!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Комната Минны фон Барнхельм.

Явление первое

Минна фон Барнхельм, Франциска.

Минна (в утреннем платье, смотрит на часы). Франциска, мы слишком рано поднялись. День покажется нам слишком долгим.

Франциска. Разве можно спать в этих проклятых больших городах? Кареты, ночные сторожа, барабаны, кошки, капралы - все это не перестает грохотать, кричать, носиться, мяукать, браниться, будто ночь меньше всего создана для покоя... не хотите ли, барышня, чашку чая?

Минна. Не по вкусу мне этот чай...

Франциска. Я велю приготовить шоколад, что мы привезли.

Минна. Пусть приготовят для тебя.

Франциска. Для меня? Пить одной шоколад - так же много радости, как болтать сама с собой... Время и вправду будет тянуться без конца. Придется нам от нечего делать заняться нарядами. Примерим платье, в

котором мы собираемся дать первый бой.

Минна. Какой бой? Ведь я приехала сюда только для того, чтобы потребовать выполнения условий капитуляции!

Франциска. А этот офицер, которого мы выселили и перед которым извинились, видно не очень тонкого воспитания. Иначе он просил бы, чтобы мы оказали ему честь и разрешили посетить нас.

Минна. Не все офицеры - Телльхеймы. Откровенно говоря, я извинилась перед ним только для того, чтобы воспользоваться случаем и расспросить его о Телльхейме. Франциска, сердце говорит мне, что моя поездка кончится счастливо, что я найду его.

Франциска. Сердце, барышня? Не очень-то доверяйте сердцу. Сердце охотно повторяет то, что говорит язык. И если бы язык так же охотно вторил сердцу, давно уже пришлось бы завести такой порядок, чтобы рот был под замком.

Минна. Ха-ха! Рот под замком! Вот этот порядок был бы мне по душе.

Франциска. Уж лучше прятать самые красивые зубы, чем ежеминутно раскрывать свое сердце.

Минна. Будто уж ты такая скрытная?

Франциска. Нет, но хотелось бы быть более скрытной. Ведь мы редко говорим о добродетели, которая у нас есть, - чаще толкуем о той, которой нам нехватает.

Минна. А ведь, Франциска... Ты сделала меткое замечание.

Франциска. Сделала! Разве делают то, что само собою приходит в голову?

Минна. И знаешь ли, чем мне так понравилось это замечание? Оно имеет большое отношение к Телльхейму.

Франциска. А что у нас не имеет отношения к Телльхейму?

Минна. Друзья и враги говорят, что нет человека храбрее его. Но разве он когда-либо заикался о храбрости? У него честнейшее сердце, но такие слова, как честность, благородство, никогда не срываются с его языка.

Франциска. О каких же добродетелях он говорит?

Минна. Ни о каких. Ведь он обладает всеми.

Франциска. Вот это я и хотела услышать.

Минна. погоди, Франциска, я вспомнила: он постоянно твердит о бережливости, но по секрету скажу тебе: мне кажется, что он расточителен.

Франциска. И еще одно: я часто слышала, как он говорил о постоянстве и верности вам. А что, если он стал ветреником?

Минна. Несчастливая! И ты серьезно думаешь так, Франциска?

Франциска. Как давно он уже не писал вам?

Минна. Ах, после заключения мира он написал мне только один-единственный раз.

Франциска. Опять выходит - мир виноват! Удивительно! Казалось бы, мир должен исправить зло, которое натворила война, а он губит и то хорошее, что пришло во время войны. Не следовало бы миру так своевольничать!.. И давно ли у нас мир? Время тянется и тянется, когда нет новостей... Почта снова работает исправно, но никто никому не пишет, ведь никто не знает, о чем писать.

Минна. "Заключен мир, - писал он мне, - и я близок к исполнению моих желаний". Но только один-единственный раз написал он мне об этом.

Франциска. И заставил нас самих торопиться навстречу этому исполнению желаний. Ну, если мы только его найдем, то уж он нам за это заплатит. Если, однако, его желания уже исполнились, и мы здесь узнаем, что он...

Минна (в страхе и с возбуждением). Погиб?

Франциска. Для вас, барышня. Если мы застанем его в объятиях другой...

Минна. О мучительница! погоди, Франциска! Он тебе это припомнит! Ну, хорошо, болтай. А то мы снова заснем. После заключения мира его полк был расформирован. Кто знает, какая от этого произошла путаница, какие хлопоты. Кто знает, в какой другой полк, в какую глухую провинцию его перебросили? Кто знает, какие обстоятельства... Кто-то стучит...

Франциска. Войдите.

Явление второе

Те же, Хозяин.

Хозяин (просовывая голову). Разрешите, сударыня!

Франциска. Наш хозяин! Входите же.

Хозяин (с пером за ухом, в руках лист бумаги и чернильница). Я к вам явился, сударыня, смиреннейше пожелать вам доброго утра. (К Франциске.) Также и вам, прелестное дитя.

Франциска. Какой учтивый человек!

Минна. Благодарю вас.

Франциска. Желаем доброго утра и вам.

Хозяин. Осмелюсь спросить, как почивали ваша милость первую ночь под моей убогой кровлей?

Франциска. Кровля как кровля; а постели могли бы быть лучше.

Хозяин. Что я слышу? Плохо почивали? Может быть, слишком устали с дороги...

Минна. Возможно.

Хозяин. Конечно, конечно... Других причин я не вижу... Но если вашей милости что-нибудь не по вкусу... сообразовайте только приказать...

Франциска. Хорошо, господин хозяин, хорошо. Мы не постесняемся. Уж меньше всего приходится стесняться в гостинице. Мы сами, скажем вам, как бы мы хотели устроиться.

Хозяин. Кроме того, я пришел также... (Вынимает перо из-за уха.)

Франциска. Ну?

Хозяин. Вы уже, разумеется, знакомы с мудрыми распоряжениями нашей полиции, ваша милость?

Минна. Вовсе нет, господин хозяин.

Хозяин. Мы, хозяева гостиниц, обязаны немедленно, до истечения суток, представлять сведения о приезжих, какого бы они ни были звания и пола; нам приказано в письменной форме сообщать куда следует о фамилии приезжего, родине, характере, делах, которые его привели сюда, предполагаемом сроке пребывания и так далее.

Минна. Очень хорошо.

Хозяин. Ваша милость, значит, разрешит... (Подходит к столу и готовится записывать.)

Минна. С удовольствием. Моя фамилия...

Хозяин. Одну минуточку! (Пишет.) Числа двадцать второго августа сего года прибыли в гостиницу "Испанский король"... Вот. Теперь ваша фамилия, сударыня?

Минна. Фрейлейн фон Барнхельм.

Хозяин (пишет). "Фон Барнхельм". Прибыли? Откуда, ваша милость?

Минна. Из моего саксонского поместья.

Хозяин (пишет). Саксонского! А! Значит, вы из Саксонии, сударыня? Из Саксонии?

Франциска. Да почему бы нет? Ведь быть родом из Саксонии не считается в здешних краях грехом?

Хозяин. Грехом! Сохрани бог! Вот был бы новый грех! Из Саксонии, значит! Прекрасная Саксония! Но если я не ошибаюсь, Саксония велика. И состоит из многих - как они там называются - округов и провинций... А наша полиция требует точности, ваша милость.

Минна. Понимаю. Итак, я прибыла из моего поместья в Тюрингии.

Хозяин. Из Тюрингии. Да, это будет правильнее, сударыня. Точнее. (Пишет и читает.) "Фрейлейн фон Барнхельм; прибыла из своего поместья, находящегося в Тюрингии, вместе с камер-фрау и двумя слугами".

Франциска. Камер-фрау? Это я, что ли?

Хозяин. Да, прелестное дитя.

Франциска. Тогда пишете, господин хозяин, не камер-фрау, а камер-юнгфер. {Оба слова означают "горничная", но камер-фрау - замужняя, а камер-юнгфер - девушка.} По вашим словам, здешняя полиция требует точности. Как бы тут не получилось недоразумения... А потом не оберешься хлопот... в случае, например, замужества и церковного оглашения. Я ведь еще девушка. Меня зовут Франциска, по фамилии Виллинг. Франциска Виллинг. Я тоже из Тюрингии. Мой отец был мельником в одном из поместий фрейлейн фон Барнхельм. Поместье называется Клейн-Рамсдорф. Теперь мельницу арендует мой брат. Еще ребенком меня взяли в усадьбу, и я воспитывалась вместе с барышней. Мы с ней ровесницы. На будущее Сретение нам минет двадцать один год. Я училась вместе с барышней. Мне будет приятно, если полиция узнает обо мне все хорошенько.

Хозяин. Отлично, прелестное дитя. Все это я отмечу потом. А теперь, сударыня, по каким делам вы прибыли сюда?

Минна. По каким делам?

Хозяин. Вы желаете обратиться с ходатайством к его величеству королю?

Минна. О нет!

Хозяин. Или к нашей высшей судебной коллегии?

Минна. Тоже нет.

Хозяин. Или...

Минна. Нет, нет, я прибыла сюда только по личным делам.

Хозяин. Очень хорошо, сударыня. Но как же нам назвать эти личные дела?

Минна. Как назвать?.. Франциска, нам, кажется, учиняют допрос?

Франциска. Господин хозяин, ведь не потребует же полиция, чтобы ее посвятили в женские тайны?

Хозяин. Обязательно, милое дитя. Полицию интересует все, все решительно, и в особенности тайны.

Франциска. Ну, что же, барышня, нам остается делать? Слушайте же, господин хозяин. Но смотрите: пусть это останется между нами и полицией!

Минна. Что ему скажет эта шальная девчонка?

Франциска. Мы собираемся похитить у короля одного офицера.

Хозяин. Что? Как? Дитя мое! Дитя мое! Франциска. Или же этот офицер похитит нас, что одно и то же.

Минна. Франциска, ты в своем ли уме? Господин хозяин, эта проказница смеется над вами.

Хозяин. Не может того быть. Я человек маленький, пусть себе смеется надо мной, сколько душе угодно, но над высокочтимой полицией...

Минна. Вот что, господин хозяин, я плохо разбираюсь в этих делах. Не отложить ли нам все это письмоводство до приезда моего дяди? Я уже вчера объяснила вам, почему он не прибыл вместе со мною. В двух милях отсюда у него сломался экипаж, и он ни за что не хотел, - чтобы из-за этого случая я задержалась в дороге еще на одну ночь. И мне пришлось уехать. Но через сутки, Самое большее, он будет здесь.

Хозяин. Что ж, сударыня. Подождем.

Минна. Он сумеет лучше ответить на ваши вопросы. Он будет знать, кому и что надлежит открыть; о каких делах он обязан сообщить, о каких может умолчать.

Хозяин. Тем лучше. Конечно, конечно, нельзя ждать от молодой девицы (многозначительный взгляд в сторону Франциски), чтобы она серьезно обсуждала серьезные дела с серьезными людьми.

Минна. А комнаты для дяди у вас готовы, господин хозяин?

Хозяин. В полной готовности, сударыня, в полной готовности, кроме одной...

Франциска. Откуда вы, может быть, тоже сначала выбросите честного человека?

Хозяин. Жалостливый, я вижу, народ эти саксонские камер-юнгферы.

Минна. Все же, господин хозяин, вы нехорошо поступили. Правильнее было бы отказать нам.

Хозяин. Что вы, сударыня, что вы!

Минна. Я слышала, что офицер, который из-за нас лишился комнаты...

Хозяин. Всего лишь офицер в отставке, сударыня...

Минна. Хотя бы и так...

Хозяин. Разоренный дотла.

Минна. Тем хуже. Он, говорят, человек весьма заслуженный.

Хозяин. Ведь я же сказал вам: отставной.

Минна. Король не может знать всех заслуженных людей.

Хозяин. Знает. Он знает их всех наперечет.

Минна. Но он не в состоянии всех наградить.

Хозяин. Все как один были бы награждены, если бы они жили, как им подобает. Но в военное время эти господа вели такую жизнь, будто войне и конца не предвидится, будто "мое" и "твое" отброшены на веки вечные: теперь все трактиры и гостиницы кишат военными, и хозяину приходится смотреть в оба. Я еще счастливо отделался. Если кошелек у майора пуст, то у него по крайней мере остались еще ценные вещи. Два-три месяца я,

конечно, еще спокойно мог бы держать его у себя. Но береженого бог бережет. Кстати, сударыня, вы знаете толк в драгоценностях?

Минна. Не очень-то.

Хозяин. Уж, конечно, вы знаток. Я хочу показать вам перстень, драгоценный перстень. Вот и у вас, сударыня, прекрасный перстень на пальце. И чем больше я всматриваюсь в него, тем больше удивляюсь: до чего он похож на мой! О! Взгляните только, взгляните! (Достает перстень из футляра и подает Минне.) Какая игра! Один только средний бриллиант весит больше пяти каратов!

Минна (всматривается в перстень). Где я? Что я вижу! Этот перстень...

Хозяин. По самой низкой оценке стоит полторы тысячи талеров.

Минна. Франциска, взгляни!

Хозяин. Я, не долго думая, дал под него восемьдесят пистолей.

Минна. Ты узнаешь этот перстень, Франциска?

Франциска. Это тот самый перстень. Господин хозяин, откуда он у вас?

Хозяин. Не все ли равно, дитя мое? Ведь у вас нет никаких прав на него?

Франциска. У нас - никаких прав на него? На футляре должен быть вензель барышни. Да покажите же ему, барышня!

Минна. Он, он самый. Как у вас очутился этот перстень, господин хозяин?

Хозяин. У меня? Самым что ни на есть честным путем! Сударыня, сударыня, ведь вы не захотите наклепать на меня беду, потери... Могу ли я знать, какого происхождения этот перстень? Во время войны много вещей переменило своих хозяев, частенько без ведома прежнего владельца. Война есть война. Не один, думается, саксонский перстень перебрался через границу. Отдайте же мне его, отдайте, сударыня.

Франциска. Прежде ответьте: от кого вы его получили?

Хозяин. От человека, которого я не могу заподозрить ни в чем таком... От человека вообще хорошего...

Минна. Лучшего в мире, если только перстень перешел к вам от его владельца. Скорей приведите его сюда! Если это не он, то, по крайней мере, знает его.

Хозяин. Кто? Кого? Сударыня?

Франциска. Не слышите, что ли? Нашего майора.

Хозяин. Майора? Да, человек, который жил в этой комнате и заложил у меня перстень, - майор.

Минна. Майор фон Телльхейм?

Хозяин. Фон Телльхейм, да! Вы с ним знакомы?

Минна. Знакома ли я с ним? И он здесь? Телльхейм здесь? Он? Он жил в этой комнате? Он? Он заложил у вас этот перстень? Как он очутился в таких затруднительных обстоятельствах? Где он? Он вам задолжал? Франциска, дай сюда шкатулку! Открой ее!

Франциска ставит шкатулку на стол и открывает ее.

Сколько он должен вам? Кому еще он должен? Приведите сюда всех, кому он задолжал! Вот здесь деньги, векселя! Все, что здесь, - его.

Хозяин. Что я слышу!

Минна. Где он? Где он?

Хозяин. Час тому назад он еще был здесь.

Минна. Бессовестный человек, как вы могли обойтись с ним так грубо, так жестоко, так безжалостно!

Хозяин. Простите, ваша милость...

Минна. Скорее приведите его сюда!

Хозяин. Его слуга еще, пожалуй, здесь. Желаете ли вы, сударыня, чтобы он разыскал его?

Минна. Желаю ли я? Торопитесь, бегите. За эту лишь услугу я готова позабыть, как дурно вы с ним обошлись!

Франциска. Живо, господин хозяин. Бегом! Да идите же!

Явление третье

Минна, Франциска.

Минна. Я нашла его, Франциска! Видишь, Франциска, я нашла его. Не могу прийти в себя от радости! Радуйся же и ты, милая Франциска. Правда, при чем ты тут? И все же ты должна, должна радоваться вместе со мной. Иди сюда, милая, мне хочется сделать тебе подарок, чтобы у тебя была причина для радости. Скажи, Франциска, что же мне подарить тебе? Какая из моих вещей тебе к лицу? Что тебе нравится? Бери, что хочешь, только радуйся, радуйся. Я вижу, ты ничего не хочешь брать. погоди! (Роемся в шкатулке.) Вот, милая Франциска (дает ей деньги), купи себе, что тебе по вкусу. Если нехватит, скажи. Но радуйся вместе со мною! Так грустно, если не с кем делить радость. Бери, же, Франциска!

Франциска. Я краду у вас эти деньги. Ведь вы опьянели, совсем опьянели от радости.

Минна. А в пьяном виде, девочка, я сердитая. Бери же, а не то... (Сует ей деньги в руку.) И не вздумай благодарить. погоди, хорошо, что я вспомнила. (Снова вынимает деньги из шкатулки.) Вот, милая Франциска, спрячь эти деньги для первого раненого солдата, который заговорит с нами.

Явление четвертое

Хозяин, Минна, Франциска.

Минна. Что ж, он придет?

Хозяин. Невежа! Увалень!

Минна. Кто?

Хозяин. Его слуга. Он отказывается итти за ним.

Франциска. Приведите его сюда, этого злодея! Кажется, я знаю всех слуг майора. Кто бы это мог быть?

Минна. Поскорее приведите его. Когда он увидит нас, он уж сходит за своим барином.

Хозяин уходит.

Явление пятое

Минна, Франциска.

Минна. Не могу дожидаться этого мгновенья. Но ты все еще как-то равнодушна, Франциска? Все еще не хочешь порадоваться вместе со мной?

Франциска. Я бы от души радовалась, если бы...

Минна. Если бы что?

Франциска. Мы нашли его, но при каких обстоятельствах? Судя по всему, что мы слышали, дела его плохи. Видно, он несчастен. И это огорчает меня.

Минна. Огорчает? Дай я обниму тебя за это, дорогая подруга. Я никогда этого не забуду! Я только влюблена, а ты - ты добрая душа!

Явление шестое

Те же, Хозяин, Юст.

Хозяин. Насилу приволок его. Франциска. Незнакомое лицо... Я его не знаю. Минна. Мой друг, вы служите у майора фон Телльхейма?

Юст. Да.

Минна. Где ваш барин?

Юст. Не здесь.

Минна. Но вы можете его разыскать?

Юст. Да.

Минна. Не приведете ли вы его поскорей сюда?

Юст. Нет.

Минна. Вы окажете мне любезность.

Юст. Э!

Минна. А барину - услугу.

Юст. Это еще неизвестно.

Минна. Почему вы так думаете?

Юст. Ведь вы та приезжая госпожа, которая утром велела передать ему свои извинения?

Минна. Да.

Юст. То-то и оно!

Минна. Разве вашему барину известна моя фамилия?

Юст. Нет, но слишком учтивые дамы ему так же не по нутру, как слишком грубые хозяева.

Хозяин. Это в мой огород?

Юст. Да.

Хозяин. Так не вымещайте этого на барышне. Скорей идите за ним!

Минна (Франциске). Франциска, дай ему...

Франциска (сует Юсту деньги в руку). Мы не просим от вас услуги даром.

Юст. А я не беру деньги даром.

Франциска. Услуга за услугу.

Юст. Не могу. Барин велел мне перевезти вещи. Я этим и занялся и прошу вас больше не мешать мне. Когда я кончу, я, пожалуй, скажу ему, чтобы он пришел сюда; он тут неподалеку, в кофейне; и если он не найдет ничего лучшего, то, может быть, явится. (Собирается уходить.)

Франциска. Подождите. Барышня - сестра господина майора.

Минна. Да, да, я его сестра.

Юст. Уж я лучше вас знаю, что у майора нет сестер. За полгода он два раза посылал меня к своей семье в Курляндию. Конечно, всякие бывают сестры.

Франциска. Наглец!

Юст. Будешь наглецом, если иначе не отвяжешься! (Уходит.)

Франциска. Вот негодяй!

Хозяин. Говорил я вам! Но пусть его! Теперь я, по крайней мере, знаю, где находится его барин. Сейчас же схожу за ним. Только, сударыня, покорнейше прошу принести за меня извинения господину майору... Я имел несчастье против моей воли выселить человека с такими заслугами...

Минна. Да идите же скорее. Я все это устрою!

Хозяин уходит.

Франциска, догони его: пусть он не говорит ему, кто я.

Франциска бежит за Хозяином.

Явление седьмое

Минна, затем Франциска.

Минна. Я нашла его! Я здесь одна? Так воспользуюсь этим. (Складывает руки.) Да я и не одна! (Смотрит вверх.) Благодарная мысль, обращенная к небу, - самая лучшая молитва. Я нашла его! Я нашла его! Я счастлива, весела. Что может быть милее творцу, чем счастливое создание?

Входит Франциска.

Ты пришла? Ты за него горюешь? Я не горюю. И страданье - благо. Что, если небо отняло у него все, чтобы вместе со мной все вернуть ему?

Франциска. Он может каждую минуту прийти. Вы все еще в утреннем платье, барышня. Может быть, вам поскорей переодеться.

Минна. Оставь, прошу тебя. Теперь он чаще будет видеть меня такой, чем расфранченной.

Франциска. О, вы себя знаете, барышня!

Минна (подумав). А ведь ты, девочка, опять попала в цель.

Франциска. Если мы красивы, то чем меньше убраны, тем красивей.

Минна. Надо ли непременно быть красивой? Но, пожалуй, необходимо считать себя красивой. Нет, только бы нравиться ему, ему! Франциска, если всем девушкам знакомы чувства, которые наполняют меня в эту минуту, то мы странный народ. Нежные и гордые, добродетельные и тщеславные, страстные и набожные. Ты не поймешь меня. Да и я сама не понимаю себя. От радости у меня голова кругом идет.

Франциска. Возьмите себя в руки, барышня. Слышите - шаги!

Минна. Взять себя в руки? Разве я могу встретить его спокойно?

Явление восьмое

Те же, фон Телльхейм, Хозяин.

Фон Телльхейм (входит; увидев Минну, бросается к ней). Ах! Моя Минна!

Минна (бросается ему навстречу). Мой Телльхейм!

Фон Телльхейм (вдруг спохватывается, отступает). Простите, сударыня... Увидеть здесь фрейлейн фон Барнхельм...

Минна. Не может быть такой уж неожиданностью для вас! (Подходит все ближе, он все отступает.) Простить вам, - что я все еще ваша Минна? Да простит вас небо, что я все еще девица фон Барнхельм.

Фон Телльхейм. Сударыня! (Пристально смотрит на хозяина и пожимает плечами.)

Минна (замечает хозяина и кивает Франциске). Господин...

Фон Телльхейм. Если мы оба не ошибаемся...

Франциска. Господин хозяин, да кого это вы привели к нам? Идемте поскорей, разыщем того, кто нам нужен.

Хозяин. А разве это не тот? Полноте, это он!

Франциска. Полноте, не он... Идемте же скорее, я еще не пожелала доброго утра вашей юной дочери.

Хозяин. О, много чести! (Не трогается с места.)

Франциска (берет его за руку). Идемте, составим меню. Вы мне скажете, что сегодня на обед...

Хозяин. На первое...

Франциска. Тише, тише! Если барышня узнает, что ей подадут, то сразу лишится аппетита. Идемте, вы все это расскажете мне по секрету. (Насильно уводит его.)

Явление девятое

Фон Телльхейм, Минна.

Минна. Ну, мы все еще ошибаемся?

Фон Телльхейм. О, если бы это было угодно небу! Но существует одна Минна - и это вы.

Минна. Какие церемонии! То, что нам надо сказать друг другу, могут слышать все.

Фон Телльхейм. Вы - здесь? Что вам здесь надобно, сударыня?

Минна. Теперь уже ничего. (Раскрыв объятия, подходит к нему.) Я нашла все, что искала.

Фон Телльхейм (уклоняясь от ее объятий). Вы искали человека счастливого, достойного вашей любви, а нашли несчастного.

Минна. Значит, вы меня уже не любите? Вы любите другую?

Фон Телльхейм. Кто после вас любит другую, тот не любил вас.

Минна. Лишь одно жало выдернули вы из моей груди. Если я потеряла ваше сердце, не все ли равно, почему: равнодушие или чьи-то более сильные чары отняли его у меня? Вы не любите меня и не любите другую. Несчастный же вы человек, если не любите никого.

Фон Телльхейм. Вы правы, сударыня. Несчастный не смеет любить. Если он не в силах одержать победу над самим собою, если он допускает, чтобы любимая делила с ним его горькую долю, значит, он заслужил свое несчастье. Как тяжела эта победа! Сколько сил потрачено с тех пор, как разум и необходимость приказали мне забыть Минну фон Барнхельм! Только я стал надеяться, что эти усилия когда-нибудь увенчаются успехом, как явились вы, сударыня...

Минна. Правильно ли я вас поняла? Стойте, сударь. Посмотрим, куда мы забрались, а то вконец запутаемся. Прошу вас ответить мне только на один вопрос.

Фон Телльхейм. На любой, сударыня...

Минна. Отвечайте без околичностей, прямым "да" или "нет".

Фон Телльхейм. Отвечу, если смогу.

Минна. Сможете. Хорошо. Невзирая на ваши старания забыть меня - любите ли вы меня, Телльхейм?

Фон Телльхейм. Сударыня, этот вопрос...

Минна. Вы обещали ответить только прямым "да" или "нет".

Фон Телльхейм. И прибавил: если смогу.

Минна. Это в ваших силах. Вы должны знать, что происходит в вашем сердце. Вы еще любите меня, Телльхейм? Да или нет?

Фон Телльхейм. Если мое сердце...

Минна. Да или нет? - Фон Телльхейм. Ну, да!

Минна. Да?

Фон Телльхейм. Да, да, но...

Минна. Подождите! Вы еще любите меня? Этого мне достаточно. Но в какой тон я впала с вами? Противный, унылый, навязчивый... Вернусь к своему обычному тону. Ну, дорогой несчастливец, вы еще любите меня, и ваша Минна снова с вами, и вы все-таки несчастны? Послушайте только, каким самоуверенным, глупым созданием была... осталась ваша Минна! Вообразила и воображает, что она-то и есть ваше счастье. Скорей же выкладывайте ваше несчастье. И посмотрим, что перевесит. Итак?

Фон Телльхейм. Сударыня, я не привык жаловаться.

Минна. Превосходно! Не представляю себе более неприятной черты в солдате, чем привычка жаловаться, - если не считать хвастовства. Но ведь можно найти тон - спокойный, равнодушный, чтобы рассказать о своей храбрости или своих невзгодах.

Фон Телльхейм. А по сути это будет все то же: хвастовство и жалобы...

Минна. О вы, непреклонный! Тогда не следовало вовсе называть себя несчастным... Полное молчание или полная откровенность... Разум, необходимость требуют, чтобы вы забыли меня? Я высоко ценю разум и склоняюсь перед необходимостью, но покажите же мне, насколько разумен этот разум и необходима необходимость?

Фон Телльхейм. Будь по-вашему. Так слушайте же, сударыня. Вы называете меня Телльхеймом. Фамилия эта совпадает с моей. Но в вашем воображении я тот самый Телльхейм, которого вы знали на вашей родине: процветающий, полный надежд, полный честолюбия, сильный телом, с цельной, нетронутой душой, человек, перед которым открыта широкая дорога, дорога счастья и славы, который еще не был достоин вашей любви, вашей руки, но надеялся, что с каждым днем будет все более достоин вас. Было бы так же нелепо выдавать себя за того Телльхейма, как за собственного отца. Оба они - были. Я Телльхейм, но Телльхейм, уволенный в отставку, лишенный чести, калека, нищий. Вы отдали свое сердце тому Телльхейму, сударыня. Отдадите ли вы его этому? Минна. Ваши слова звучат очень трагически... Но пока я не нашла того Телльхейма - а к Телльхеймам я вообще равнодушна, - придется вам помочь мне в моих поисках... Дай руку, дорогой нищий! (Берет его за руку.) Фон Телльхейм

(прикрывает лицо шляпой и отворачивается от Минны). Это слишком! Где я? Пустите меня, сударыня... Ваша доброта для меня хуже пытки. Оставьте меня!

Минна. Что вы? Куда вы?

Фон Телльхейм. Прочь от вас!

Минна. От меня?.. (Кладет его руку себе на грудь.) Вы бредите.

Фон Телльхейм. Я умру от отчаяния у ваших ног.

Минна. Вы бежите от меня?

Фон Телльхейм. От вас!.. Никогда, никогда больше не видеть вас... я решил... решил бесповоротно... не совершать низости, не допускать вас до опрометчивых поступков! Пустите меня, Минна! (Вырывается и уходит.)

Минна. Чтобы я, Минна; отпустила вас? (Вслед ему.) Телльхейм, Телльхейм!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Зала гостиницы.

Явление первое

Юст (входит с письмом в руке). А ведь пришлось еще раз прийти в этот проклятый дом! Письмецо от моего барина к барышне, что назвалась его сестрой. Только бы у них ничего не заварилось... А то носи письма взад-вперед... Хотелось бы мне поскорее сбить с рук это дело, да в комнату итти неохота. Эти женщины задают столько вопросов... А я не люблю отвечать. А, дверь открывается! Вот это удача! Милашка горничная!

Явление второе

Франциска, Юст.

Франциска (обратись лицом к двери, откуда она вышла). Не беспокойтесь, уж я его подстерегу! (Увидев Юста.) Вот! Сразу же наскочила на кого-то! Да что толку от этой скотины?

Юст. Ваш слуга...

Франциска. Мне не нужен такой слуга.

Юст. Ну, ну, извините, так ведь говорится... Вот я принес письмецо от моего барина к вашей барышне... госпоже сестре. Так что ли? Сестре.

Франциска (вырывает у него письмо из рук). Дайте сюда.

Юст. Будьте так добры, просит мой барин, передать письмо. И еще мой барин просит, - но только не подумайте, что это я сам прошу!..

Франциска. О чем же?

Юст. Мой барин - малый не промах, он знает, что нельзя подступиться к госпоже, минуя горничную, - так я полагаю. Мой барин, значит, просит, чтобы девушка была так добра и ответила ему: может ли он рассчитывать встретиться с ней на четверть часика?

Франциска. Со мною?

Юст. Извините, если я вас не так величаю. Да, с вами!.. Только на четверть часика, но чтоб вы встретились совсем одни, втайне, с глазу на глаз... Он, видите ли, хочет вам сказать что-то очень важное...

Франциска. Хорошо. Мне тоже надо ему многое сказать. Пусть приходит, я к его услугам.

Юст. Но когда ему прийти? Когда это будет всего удобнее? В сумерки, что ли?

Франциска. Что вы хотите сказать?.. Ваш барин может прийти, когда захочет... И убирайтесь отсюда!

Юст. С великим удовольствием. (Хочет идти)

Франциска. Погодите! Минуточку! Где ж остальные слуги майора?

Юст. Остальные? Там и сям, кто где. Франциска. Где Вильгельм?

Юст. Камердинер? Майор отправил его в путь-дорогу.

Франциска. Вот как? А Филипп куда девался? Юст. Егерь? Барин отдал его в надежные руки. Франциска. Понятное дело, раз он не держит охоты. А Мартин?

Юст. Кучер? Уехал верхом.

Франциска. А Фриц?

Юст. Скороход? Получил повышение.

Франциска. А вы? Где вы были, когда майор стоял у нас в Тюрингии на зимних квартирах? Вы, видно, еще не служили у него?

Юст. Служил. Я был у него конюхом, но лежал в лазарете.

Франциска. Конюхом? А теперь?

Юст. Теперь я за все: камердинер и егерь, скороход и конюх.

Франциска. Вот так так! Отпустить столько отличных, дельных слуг и оставить себе самого непутевого! Интересно знать, что ваш барин находит в вас?

Юст. Может быть, он находит, что я честный малый.

Франциска. О, немного же за душой у того, кто только честен! Вильгельм - тот был человек! И барин позволил ему уехать?

Юст. Да, отпустил, ведь он не мог помешать этому.

Франциска. Как так?

Юст. О, Вильгельм будет форсить в дороге! Он забрал с собою весь гардероб майора.

Франциска. Как? Ведь не сбежал он с ним?

Юст. Не скажу вам точно, но только когда мы уезжали из Нюрнберга, он не последовал за майором с вещами.

Франциска. Ах, он, мошенник!

Юст. А ведь был парень хоть куда. Умел и стричь и брить, болтать и соблазнять, - не правда ли?

Франциска. Но уж егеря я бы не отпустила на месте майора. Пусть он не нужен был ему как егерь, все же он был отличный слуга. Кому же передал его майор? Юст. Коменданту в Шпандау.

Франциска. Коменданту крепости? Но охота на крепостных валах тоже не бог весть какая...

Юст. О, Филипп не занимается там охотой.

Франциска. А что же он делает?

Юст. Возит тачку.

Франциска. Возит тачку?

Юст. Но ему придется возить ее всего три года. Он устроил маленький заговор в роте барина и собирался пропустить через форпосты шестерых человек.

Франциска. Я поражена! Злодей!

Юст. О, это дельный парень, отличный егерь, знает все стежки и лазейки в лесах и болотах на пятьдесят миль в окружности! А какой стрелок!

Франциска. Еще счастье, что у майора остался этот молодец кучер!

Юст. Разве он остался?

Франциска. Вы, кажется, сказали, что Мартин уехал верхом. Но он же вернется?

Юст. Вы думаете?

Франциска. Куда же он уехал?

Юст. Вот уж десятая неделя, как он ускакал на единственной и последней верховой лошади барина, - отправился, видите ли, искупать ее.

Франциска. И до сих пор не вернулся? Вот висельник!

Юст. Может, молодца кучера смыло волной. Это был кучер, каких мало. Десять лет он ездил в Вене. Такого барину уж не найти. Бывало, крикнет "тпру!", и кони сразу на полном скаку замирают, как вкопанные. А к тому же был он искусный коновал!

Франциска. Я уже начинаю опасаться за скорохода и его повышение.

Юст. Нет, нет, так оно и есть. Он стал барабанщиком в гарнизонном полку.

Франциска. Вот те на!

Юст. Фриц спутался с одной скверной женщиной, не возвращался ночевать домой, делал долги на имя барина и натворил тысячу подлостей. Коротко говоря, майор видел, что малого так и тянет подняться, повыше (изображает жестами повешение), и он поставил его на правильный путь.

Франциска. О негодяй!

Юст. Но Фриц - отличный скороход, это так. Когда барин, бывало, давал ему пятьдесят шагов вперед, то даже на лучшем скакуне не мог нагнать его. А Фриц - дай он виселице хоть тысячу шагов вперед - все равно он, ручаюсь головой, догонит ее. Это все, видно, были ваши друзья-приятели, барышня? Вильгельм и Филипп, Мартин и Фриц? Ну, Юст имеет честь откланяться. (Уходит.)

Явление третье

Франциска, затем Хозяин.

Франциска (провожает Юста задумчивым взглядом). Эта колкость мне поделом. Благодарю, Юст. Я слишком низко ставила честность. Такого урока я не забуду. Ах, несчастный человек! (Поворачивается, хочет идти в комнату.)

Входит Хозяин.

Хозяин. Подождите, прелестное дитя.

Франциска. Мне некогда, господин хозяин... Хозяин. Только одну минуточку! Что, господин майор не подает о себе вестей? Ведь не может того быть, чтобы так он в самом деле и распрощался?

Франциска. Что такое?

Хозяин. Разве ваша госпожа не рассказала вам? Когда я, прелестное дитя, оставил вас внизу на кухне, то случайно заглянул снова в залу...

Франциска. Случайно? С намерением немножечко подслушать?

Хозяин. Дитя, за кого вы меня принимаете? Хозяину гостиницы не пристало быть любопытным. Только я вошел, дверь из комнаты барышни с шумом распахнулась. Оттуда выбежал майор, за ним барышня. Оба в страшном волнении, с блуждающим взором и в таком виде - не поддается описанию! Она схватила его, он вырвался из ее рук. Она опять схватила его. "Телльхейм!" "Сударыня, оставьте меня!" - "Куда?" Так он тащил ее до лестницы. Я уже испугался, как бы он ее не стащил вниз. Но о" все-таки увернулся. Барышня осталась наверху. Она смотрела ему вслед, звала его, ломала руки. Вдруг она повернулась, бросилась к окну, от окна снова к лестнице, от лестницы побежала в залу и стала метаться здесь. Я стоял в зале, и она три раза прошла мимо, не замечая меня. Наконец она как будто меня увидела. Но да будет с нами господь! Кажется, барышня приняла меня за вас, дитя. "Франциска! крикнула она, взглянув на меня. - Что, дождалась я счастья?" Затем устала на потолок и повторила: "Дождалась счастья?" Тут она отерла слезы, улыбнулась и опять спросила: "Что, Франциска, счастлива я?" Скажу я вам, я не знал, куда деваться. Она снова побежала к двери, снова обернулась ко мне: "Идем же, Франциска! Кого ты

теперь жалеешь?" - и вошла в комнату.

Франциска. О господин хозяин, все это вам во сне привиделось.

Хозяин. Во сне, дитя? Нет, таких обстоятельных снов не бывает. Я много бы дал, - я не любопытен, но много бы дал за то, чтобы иметь к этому ключ.

Франциска. Ключ? К нашим дверям? Он торчит внутри; на ночь мы взяли его, мы ведь трусихи.

Хозяин. Не тот ключ... я хочу сказать, прелестное дитя, - ключ... ну, разгадку того, что я видел. Как это все связать...

Франциска. Ах, вот оно что. Ну, господин хозяин, прощайте. Скоро обед, господин хозяин?

Хозяин. Прелестное дитя, не позабыть бы самое главное, что я хотел сказать вам.

Франциска. Ну? Только покороче!

Хозяин. У вашей госпожи остался еще мой перстень; я называю его моим...

Франциска. Ему ничего не сделается...

Хозяин. Я и не беспокоюсь за него; я только напоминаю. Видите ли, я нисколько не стремлюсь снова завладеть им. Ведь я все вижу, как на ладони: почему вашей госпоже знаком этот перстень и почему он похож на ее собственный. В ее руках он будет в полнейшей сохранности. А мне он ни к чему. Я только запишу те сто пистолей, которые выдал под него, в счет вашей госпоже. И все будет в порядке, прелестное дитя;

Явление четвертое

Пауль Вернер, Хозяин, Франциска.

Вернер. Вот он где!

Франциска. Сто пистолей? А не восемьдесят?

Хозяин. Ах, да, правда, только девяносто, только девяносто. Значит, так я и сделаю, прекрасное дитя, так я и сделаю.

Франциска. Это все устроится, господин хозяин.

Вернер (который сзади приближается к ним и вдруг хлопает Франциску по плечу). Барышня, барышня!

Франциска (в испуге). А!

Вернер. Не пугайтесь! Барышня, барышня, вы, я вижу, красотка не из наших мест. А приезжую красотку надо предостеречь. Милая барышня, берегитесь этого человека! (Показывает на хозяина.)

Хозяин. А, нежданная радость! Господин Пауль Вернер! Добро пожаловать! Ах, вы все тот же балагур, тот же веселый, честный Вернер! Вам остерегаться меня, прелестное дитя? Ха-ха-ха! Вернер. Бегите от него.

Хозяин. От меня, от меня? Это я так опасен? Ха-ха-ха! Послушайте только, прелестное дитя! Как вам нравится эта шутка?

Вернер. Да уж, люди вашего склада, когда им говорят правду, всегда обращают ее в шутку.

Хозяин. Правду! Ха-ха-ха! Что вы скажете, прелестное дитя! Час от часу не легче. Ну и шутник же! Я опасен? Я? Может быть, лет двадцать тому назад. Да, да, прелестное дитя, тогда я был опасен. Тогда женщинам было что порассказать об этом. Но теперь... Вернер. Ах, старый шут!

Хозяин. Вот в том-то и суть! Когда мы старимся, то перестаем быть опасны. Не уйти от этого и вам, господин Вернер.

Вернер. Тьфу, пропасть! Милая барышня! Вы, конечно, понимаете, что я не эту опасность разумею. Настолько-то ума у меня хватит. Один бес отпустил его, а семеро других в него вселились.

Хозяин. Послушайте, послушайте, как это он опять ловко загнул? Все у него шуточки да прибауточки, и всегда что-нибудь новое! О, он превосходный человек, господин Пауль Вернер! (К Франциске, будто на ухо.) Зажиточный... и холостой! В трех милях отсюда у него чудесная усадьба. Этот кое-что добыл себе во время войны! Он был вахмистром у нашего господина майора. О, это друг нашего господина майора! Это друг! Он даст себя насмерть, избить за него!

Вернер. Да, я это тоже друг моего майора! Ну, и друг! Майору следовало бы приказать насмерть избить его!

Хозяин. Что, как? Нет, господин Вернер, это недобрая шутка. Я ли не друг господину майору? Нет, я не понимаю такой шутки.

Вернер. Юст кое-что рассказал мне...

Хозяин. Юст! Так я и думал, что это не вы, а Юст говорит. Юст злой, гадкий человек. Но вот пред вами прелестная девушка. Пусть она нас рассудит; пусть скажет, друг ли я господину майору, оказывал ли я ему услуги? Да почему мне и не быть его другом? Разве он не заслуженный человек? Да, конечно, его, к несчастью, уволили в отставку, но какое это имеет значение? Король не может знать лично всех заслуженных людей. И даже знай он их всех, он не мог бы всех вознаградить.

Вернер. Эти слова внушил вам сам бог. Однако, Юст, - конечно, в нем нет ничего особенного, - но он не лгун; а если то, что он передал мне, правда...

Хозяин. Слышать не хочу о Юсте!.. Как я уже сказал, пусть говорит это прелестное дитя. (На ухо Франциске.) Вы ведь знаете, дитя! Перстень! Расскажите о нем господину Вернеру. Тогда он лучше узнает меня. А чтобы ему не показалось, будто вы говорите только в угоду мне, я даже не буду

при этом. Я не буду при этом, я уйду; но вы мне скажете, господин Вернер, вы мне скажете, не гнусный ли клеветник Юст?

Явление пятое

Пауль Вернер, Франциска.

Вернер. Барышня, вы знаете моего майора?

Франциска. Майора фон Телльхейма? Еще бы! Конечно, я знаю этого прекрасного человека.

Вернер. Разве не прекрасный он человек? Вы, я вижу, к нему расположены?

Франциска. От всего сердца.

Вернер. В самом деле? Видите ли, барышня, теперь вы нравитесь мне еще вдвое против прежнего. Но что это за услуги, которые хозяин будто бы оказал нашему майору?

Франциска. Вот об этом я понятия не имею; разве только он хочет приписать себе то хорошее, что, по счастью, вышло из его мерзких дел.

Вернер. Значит, то, что рассказал Юст, правда? (Повернувшись в ту сторону, куда ушел хозяин.) Счастье твое, что ты исчез! Он выставил его вещи из комнаты? Сыграть такую шутку с таким человеком! Оттого, что этот осел, видите ли, вбил себе в голову, будто у майора нет больше денег! У майора нет денег!

Франциска. А что, разве у майора есть деньги? Вернер. Хоть лопатой греби. Он им счета даже не знает. Он не знает, кто ему должен. Я сам вот принес ему старый должок. Вот видите, здесь, в этом кошельке (достаёт из кармана кошелек) сто луидоров, а в этом свертке (достаёт из другого кармана свертки) - сто дукатов. И это его деньги!

Франциска. Правда? Но почему же майор закладывает свои вещи? Он заложил перстень.

Вернер. Заложил? Не верьте! Может быть, ему хотелось отделаться от лишнего хлама.

Франциска. Это не хлам, а очень ценный перстень, да еще полученный им из милых рук.

Вернер. Вот вам и разгадка... Из милых рук... Да, да! Такая безделица напоминает иной раз о том, о чем не хочется вспоминать. Вот ее и убирают с глаз долой.

Франциска. Как так?

Вернер. На зимних квартирах солдатам рай. Делать им там нечего, они занимаются собой и своей наружностью, от скуки заводят знакомства. Для них это зимнее времяпровождение; а простушки, с которыми они знакомятся, верят, что это навеки. Смотришь - на пальце уже красуется

перстенок. Солдат и сам не знает, как это случилось! И нередко бывает, что он готов отдать палец, лишь бы отделаться от перстня.

Франциска. О, и с нашим майором так бывало?

Вернер. Ну, конечно. И особенно в Саксонии. Будь у него по десять пальцев на каждой руке, все двадцать были бы в перстнях.

Франциска (в сторону). Чудеса! Надо бы проверить! "Господин сельский староста" или "господин вахмистр"?

Вернер. Если вам все равно, барышня, то "господин вахмистр" приятнее для моего слуха.

Франциска. Так вот, господин вахмистр, тут у меня письмецо господина майора к моей госпоже. Я быстро снесу его и тотчас же вернусь. Не будете ли вы так любезны дожждаться, когда я вернусь? Я с удовольствием поболтаю с вами.

Вернер. С удовольствием поболтаете, барышня? Ну что ж... идите. Я тоже с удовольствием поболтаю. Я буду вас дожидаться.

Франциска. Так ждите же! (Уходит.)

Явление шестое

Вернер. А ведь миленькая девушка! Но зря я обещал ждать ее. Куда нужнее разыскать майора! Он отказывается от моих денег и закладывает перстни!.. Узнаю его в этом... Мне пришло на ум схитрить. Еще две недели тому назад, когда я был в городе, я зашел к жене ротмистра Марлофа. Бедная женщина была больна и горевала о том, что ее муж остался должен майору четыреста талеров. Она не знала, как их уплатить. Сегодня я снова собирался пойти к ней сказать, что одолжу ей пятьсот талеров, когда получу деньги за свое имение... ведь должен я какую-то часть денег поместить в верные руки на тот случай, если в Персии мне не будет удачи... Но ее уже и след простыл. Ясно, что она не сможет заплатить майору. Ну, вот, я сам это сделаю. И чем скорее, тем лучше. Надо думать, барышня на меня не рассердится; я не могу больше ждать. (Уходит, погруженный в раздумье, и сталкивается с майором, который идет ему навстречу.)

Явление седьмое

Фон Телльхейм, Пауль Вернер.

Фон Телльхейм. Задумался, Вернер?

Вернер. Вот и вы. А я только что собирался навестить вас на новой квартире, господин майор.

Фон Телльхейм. Чтобы прожужжать мне уши бранью по адресу прежней? И не думай об этом.

Вернер. От этого я бы не удержался. Но, собственно, я только хотел поблагодарить вас за то, что вы были так добры и сохранили мне сто

луидоров. Юст возвратил мне их. Конечно, я был бы рад, если бы вы подольше хранили их у себя. Но вы перебрались на новую квартиру, о которой ни мне, ни вам ничего не известно. Кто знает, надежна ли она. Деньги могут у вас украсть, и вам пришлось бы возмещать их мне; тут бы ничего и не поделаться! Поэтому я не могу просить вас об этом.

Фон Телльхейм (улыбаясь). С каких пор ты стал так осмотрителен, Вернер?

Вернер. Научишься волей-неволей. Нынче, если ты с деньгами, смотри в оба. Да, мне еще надо кое-что передать вам, господин майор, от жены ротмистра Марлофа; я только что от нее. Ее муж остался вам должен четыреста талеров. Она посылает вам пока часть этих денег - сто дукатов. Окончательно расплатится с вами на будущей неделе. Может быть, я-то и повинен в том, что она посылает вам не всю сумму. Видите ли, она и мне задолжала восемьдесят талеров; она думала, что я пришел напомнить ей о долге, - да так оно и было... вот она и вернула их мне... взяла из свертка, который уже отложила для вас. Вам, конечно, легче обойтись еще неделю без этих ста талеров, чем мне без моих грошей. Так вот, получайте! (Подает ему сверток с дукатами.)

Фон Телльхейм. Вернер!

Вернер. В чем дело? Что вы так уставились на меня? Берите же, господин майор.

Фон Телльхейм. Вернер!

Вернер. Что с вами? Отчего вы сердитесь?

Фон Телльхейм (бьет себя по лбу, топает ногой, с горечью). Оттого, что ты не принес всю сумму сполна!

Вернер. Ну, ну, господин майор! Разве вы меня не поняли?

Фон Телльхейм. В том-то и дело, что я тебя понял. Удивительно: самые лучшие люди сегодня больше всего терзают меня!

Вернер. Что вы говорите!

Фон Телльхейм. Тебя это касается только наполовину. Иди, Вернер! (Отстраняет руку Вернера, подающего ему деньги.)

Вернер. Как только освобожусь вот от этого.

Фон Телльхейм. Вернер, а если я скажу тебе, что фрау Марлоф сама была у меня сегодня рано утром?

Вернер. Вот как!

Фон Телльхейм. И что она мне ничего не должна?

Вернер. В самом деле?

Фон Телльхейм. Что она заплатила мне все до гроша?

Вернер (подумав). Я скажу, что лгал и что ложь - это подлая вещь, того

и гляди попадешься.

Фон Телльхейм. И тебе не стыдно?

Вернер. А тому не стыдно, кто вынудил меня лгать? Разве не должен и он стыдиться? Видите ли, господин майор, скажи я, что ваше поведение меня не огорчает, я опять солгу. А я не хочу больше лгать.

Фон Телльхейм. Не огорчайся, Вернер! Я знаю твое сердце и твою привязанность ко мне. Но твои деньги мне не нужны.

Вернер. Мои деньги вам не нужны? Вам приятнее продавать, закладывать, и чтоб люди чесали языки на этот счет?

Фон Телльхейм. Пусть люди знают, что у меня уж больше ничего нет. Не следует делать вид, что ты богаче, чем на самом деле.

Вернер. Но зачем же делать вид, что мы беднее? У нас есть деньги, пока они есть у наших друзей.

Фон Телльхейм. Мне не пристало быть твоим должником.

Вернер. Не пристало? А ведь пришли вы ко мне однажды в жаркий день жар нам поддавали и солнце и враг, - когда ваш стремянный с погребцом куда-то исчез. Вы сказали: "Вернер, не найдется ли у тебя попить?" Я подал вам мою флягу, и, не правда ли, вы взяли ее и напились! Это вам пристало? Клянусь, в то время глоток гнилой воды подчас ценился дороже, чем теперь вся эта чепуха! (Вытаскивает кошелек с луидорами, подает его вместе со свертком фон Телльхейму.) Вот, возьмите, дорогой майор. Вообразите, что это вода. Ведь и это бог сотворил для всех.

Фон Телльхейм. Ты терзаешь меня. Ты слышишь: я не хочу быть твоим должником!

Вернер. Сперва вы говорили, что это не пристало вам. Теперь - вы не хотите! Да, это уж другое дело. (С некоторым раздражением.) Вы не хотите быть моим должником? Ну, а если вы уже у меня в долгу, господин майор? Или вы не в долгу у человека, который однажды отвел от вас удар, чуть не размозживший вам голову? А в другой раз отрубил от туловища руку, уже нажимавшую на курок, чтобы вогнать вам пулю в грудь? Разве вы можете еще больше задолжать этому человеку? Или рисковать шеей это меньше, чем рисковать кошельком? Пусть вы благородно рассуждаете, но, черт возьми, вы рассуждаете нелепо!

Фон Телльхейм. С кем ты так говоришь, Вернер? Послушай, мы тут одни, и я могу это сказать. Если бы нас кто-либо слышал, это было бы уже бахвальством. Я с радостью признаю, что дважды обязан тебе жизнью. Но, дружище, почему мне не привелось сделать то же и для тебя? А?

Вернер. Не было случая! Кто сомневается в том, господин майор? Разве я не видел, как вы сотни раз рисковали жизнью для последнего

рядового, если ему приходилось плохо?

Фон Телльхейм. Вот видишь!..

Вернер. Но...

Фон Телльхейм. Почему ты не хочешь понять меня? Ведь я говорю тебе: мне не пристало быть твоим должником. Я не хочу быть твоим должником. Именно в тех обстоятельствах, в которых я сейчас очутился.

Вернер. Так! Так! Вы хотите отложить это до лучших времен. Вы хотите занять у меня деньги как-нибудь в другой раз, когда у вас не будет в этом нужды, когда вы будете при деньгах, а у меня их, может быть, не будет.

Фон Телльхейм. Нельзя занимать, когда не знаешь, отдашь ли.

Вернер. Такой человек, как вы, не вечно будет нуждаться.

Фон Телльхейм. Знаешь же ты жизнь... Наконец меньше всего следует брать займы у того, кому деньги самому нужны.

Вернер. О да, я как раз из таких! На что мне сдались деньги? Где нуждаются в услугах вахмистра, там его и прокормят.

Фон Телльхейм. Тебе надо стать чем-то побольше вахмистра. Тебе нужно пробиться вперед, а ведь без денег самый достойный человек застрянет на полпути.

Вернер. Побольше вахмистра. Об этом я даже не помышляю! Я хороший вахмистр, но легко могу оказаться плохим ротмистром и, конечно, еще скорее плохим генералом! Такие примеры бывали!

Фон Телльхейм. Смотри, чтобы мне не пришлось плохо думать о тебе, Вернер. Я был огорчен тем, что мне сказал Юст. Ты сбыл с рук свое именье и хочешь бродяжничать где придется. Я не хочу допустить, что тебе нравится не самое ремесло солдата, а вся та дикая разгульная жизнь, которая, к несчастью, связана с ним. Солдатом надо быть ради блага своей родины или из любви к тому делу, за которое ты сражаешься. Служить без цели - сегодня здесь, а завтра там - это все равно, что быть подручным мясника, ничего больше.

Вернер. Да, конечно, господин майор. Я послушаюсь вас. Вы лучше меня понимаете, что хорошо и что плохо. Но пока что, дорогой майор, возьмите мои деньги, Не сегодня-завтра ваше дело будет решено. Вы получите уйму денег и с лихвой вернете мне долг. Ведь я же только из-за процентов и навязываю их вам.

Фон Телльхейм. Молчи об этом.

Вернер. Клянусь своей бедной душой! Только ради процентов. Иной раз задумаешься: - что-то будет с тобой в старости? Если тебя вконец искалечат? Если ты будешь нищим? Если тебе придется побираться? И тут

же говоришь себе: нет, ты не будешь побираться, ты пойдешь к майору, он разделит с тобою последний пфенниг, он будет тебя кормить, у него ты и померешь честным человеком.

Фон Телльхейм (хватает его за руку). Приятель, разве теперь ты этого не думаешь?

Вернер. Нет, уже не думаю... Кто ничего не берет у меня, когда он в нужде, а я при деньгах, - тот и мне ничего не даст, когда у него будут деньги, а я буду нуждаться в них. Ну, что ж, пусть так! (Хочет итти.)

Фон Телльхейм. Не выводите меня из себя, старина. Куда ты идешь? (Удерживает его.) Если я заверяю тебя честью, что у меня еще есть деньги, если я даю тебе слово, что скажу, когда они выйдут... что ты будешь первым и единственным, у кого я возьму займы, - ты будешь доволен?

Вернер. Да, конечно. Дайте мне на том руку, господин майор.

Фон Телльхейм. Вот, Пауль. А теперь кончим этот разговор. Я пришел сюда поговорить с одной девушкой.

Явление восьмое

Франциска (из комнаты Минны), фон Телльхейм, Вернер.

Франциска (выходя). Вы еще здесь, господин вахмистр? (Увидев Телльхейма.) И вы здесь, господин майор? Я сейчас к вашим услугам (Снова быстро идет в комнату.)

Явление девятое

Фон Телльхейм, Вернер.

Фон Телльхейм. Это она. Но я вижу, что и ты знаешь ее, Вернер?

Вернер. Да, эту девушку я знаю.

Фон Телльхейм. Позволь, ведь когда мы стояли на зимних квартирах в Тюрингии, ты ведь не служил у меня?

Вернер. Нет, тогда я заготавливал обмундирование в Лейпциге.

Фон Телльхейм. Откуда же ты ее знаешь?

Вернер. Мы с ней знакомы без году неделю. С нынешнего дня. Но чем свежее знакомство, тем горячее дружба.

Фон Телльхейм. Ты, значит, уже видел и барышню...

Вернер. Разве ее госпожа - барышня? Она говорила, что вы знаете ее госпожу.

Фон Телльхейм. Разве ты не слышал? По Тюрингии.

Вернер. Барышня молода?

Фон Телльхейм. Да.

Вернер. Красива?

Фон Телльхейм. Очень.

Вернер. Богата?

Фон Телльхейм. Очень.

Вернер. И барышня к вам так же хорошо относится, как и горничная? Это было бы замечательно!

Фон Телльхейм. Что ты хочешь сказать?

Явление десятое

Франциска (выходит из комнаты с письмом в руках), Пауль Вернер, фон Телльхейм.

Франциска. Господин майор!

Фон Телльхейм. Милая Франциска, я даже еще не успел как следует поздороваться с тобой.

Франциска. Мысленно вы наверно уже сделали это. Я знаю, вы расположены ко мне. Я к вам тоже. Но совсем нехорошо, что вы заставляете расположенных к вам людей так беспокоиться о вас.

Вернер (про себя). А! Ну, понятно!

Фон Телльхейм. Судьба, Франциска! Ты отдала ей письмо?

Франциска. Да, и вот возвращаю. (Подает письмо.)

Фон Телльхейм. Ответ?

Франциска. Нет, ваше собственное письмо.

Фон Телльхейм. Как? Она не хочет его читать?

Франциска. Она пыталась, но мы плохо разбираем писанное.

Фон Телльхейм. Ты очень мило шутишь!

Франциска. И мы полагаем, что писание писем придумано не для тех, которые могут беседовать друг с другом, как только пожелают.

Фон Телльхейм. Какой предлог! Она должна прочесть его. В этом письме она найдет оправдание... все основания и причины...

Франциска. Которые барышня желает выслушать от вас лично, а не прочитать.

Фон Телльхейм. Выслушать лично от меня? Чтобы меня смущало каждое ее слово, самое выражение лица? Чтобы в каждом ее взгляде я чувствовал всю тяжесть моей утраты?

Франциска. Нас не разжалобить! Вот возьмите! (Дает ему письмо.) Она ждет вас в три часа. Она хочет прокатиться и осмотреть город. Вы поедете с ней. Фон Телльхейм. Поеду с ней? Франциска. А что вы дадите мне, если я оставлю вас с ней наедине? Мне нужно быть дома. Фон Телльхейм. С ней наедине? Франциска. В прекрасном закрытом экипаже. Фон Телльхейм. Невозможно! Франциска. Да, да. В экипаже, господин майор, вас ожидает нагоняй. Тут вы от нас не улизнете. Вот для чего это все придумано. Коротко говоря, вы придете, господин майор, ровно в три... Да, вы же хотели поговорить со мною с глазу на глаз? Что вы ходите сказать

мне? Ах (заметив Вернера), да мы не одни.'

Фон Телльхейм. Не в том дело, Франциска; мы, надо считать, одни. Но так как барышня не читала письма, то мне пока и сказать тебе нечего.

Франциска. Мы, значит, все равно, что одни? У вас нет никаких секретов от господина вахмистра? Фон Телльхейм. Нет, никаких. Франциска. А сдается мне, что некоторые вещи вам бы следовало держать от него втайне. Фон Телльхейм. Как так? Вернер. Что такое, барышня? Франциска. Секреты особого рода. "Все двадцать, господин вахмистр?" (Поднимает вверх обе руки с растопыренными пальцами.)

Вернер. Тс! Тс! Барышня, барышня! Фон Телльхейм. Что это значит? Франциска. Смотришь - на пальце уже красуется перстенок! Так, господин вахмистр? (Показывает жестом, будто она быстро надевает перстень на палец.) Фон Телльхейм. Что такое?

Вернер. Барышня, барышня, ведь вы же, надеюсь, понимаете шутку?

Фон Телльхейм. Вернер, ты не забыл, - ведь я не раз повторял тебе? Есть вещи, о которых никогда нельзя шутить с женщинами.

Вернер. Клянусь моей бедной душой, я, видно, забыл об этом. Барышня, я прошу...

Франциска. Ну, если это была шутка! На сей раз прощаю вас.

Фон Телльхейм. Если мне уж так необходимо явиться, постарайся, Франциска, чтобы барышня сперва прочитала письмо. Это избавит меня от муки снова думать, снова говорить о вещах, о которых так хотелось позабыть. (Переворачивает письмо и подает ей, но вдруг замечает, что оно вскрыто.) О, что я вижу, Франциска, письмо вскрыто?

Франциска. Возможно. (Осматривает его.) Да, в самом деле - оно вскрыто. Кто же это вскрыл его? Но мы не читали его. Не читали, господин майор. Мы и не хотим читать его, так как человек, написавший его, сам придет к нам. Приходите, и знаете что, господин майор? Не являйтесь к нам в таком виде - в сапогах, кое-как причесанный. Вас можно извинить, вы не ожидали встретить нас. Приходите в башмаках, завейтесь. А то у вас слишком лихой, слишком прусский вид!

Фон Телльхейм. Благодарю, Франциска!

Франциска. Вид у вас такой, будто вы ночевали на бивуаке.

Фон Телльхейм. Ты почти угадала.

Франциска. Мы тоже приоденемся, а затем будем обедать. Мы охотно пригласили бы вас пообедать с нами. Но ваше присутствие помешает нам есть; и мы, видите ли, не так уж влюблены, чтобы лишиться аппетита.

Фон Телльхейм. Иду! А ты, Франциска, тем временем подготовь ее немного, чтобы не вызвать мне презрения у нее, да и у самого себя - тоже.

Идем, Вернер, ты пообедаешь со мною.

Вернер. За общим столом? Тут? В этом доме? Тут кусок у меня в глотке застрянет.

Фон Телльхейм. У меня в комнате.

Вернер. Тогда я сейчас догоню вас. Только перекинусь словечком с барышней.

Фон Телльхейм. Ничего не имею против! (Уходит.)

Явление одиннадцатое

Пауль Вернер, Франциска.

Франциска. Ну, господин вахмистр?

Вернер. Барышня, в следующий раз придется и мне?

Франциска. Одевайтесь, как хотите, господин вахмистр. Моим глазам это не будет неприятно. Но зато уши надо держать с вами остро! Двадцать пальцев - и все в перстнях! Ай-ай, господин вахмистр!

Вернер. Нет, барышня, именно на этот счет я хотел объясниться с вами. Эта шутка слетела у меня с языка как-то нечаянно. Хватит человеку и одного перстня. Сотни и сотни раз я слышал от майора: негодяй тот солдат, который соблазнит девушку! И я вполне с ним согласен, барышня... Уж можете положиться! А теперь мне нужно догнать майора... Приятного вам аппетита, барышня. (Уходит.)

Франциска. И вам того же, господин вахмистр!.. Право же, этот человек мне нравится. (Идет к дверям, навстречу ей Минна.)

Явление двенадцатое

Минна, Франциска.

Минна. Майор уже ушел? Франциска, мне кажется, что я уже успокоилась, и верю, что смогу удержать его.

Франциска. А я еще больше успокою вас.

Минна. Тем лучше! Его письмо, о его письмо! В каждой строчке чувствуется честный, благородный человек. Всякий раз, когда он отказывается от меня, это звучит как клятва. Вероятно, он заметил, что мы прочли его письмо... Пусть, лишь бы он пришел... Он придет наверное, да?.. Но мне кажется, что во всем его поведении сквозит слишком большая гордость. Ведь это гордость, непростительная гордость - не хотеть быть обязанным любимой своим счастьем! Если он даст мне почувствовать ее слишком сильно, Франциска...

Франциска. То вы от него откажетесь?..

Минна. О, смотрите-ка... Ты уже опять... страдаешь за него? Нет, милая дурочка, из-за одного недостатка не отказываются от человека. Нет, но мне пришло в голову сыграть с ним шутку. За гордость помучить его в

свою очередь гордостью.

Франциска. Да, видно, вы совсем уже успокоились, барышня, если у вас уже снова на уме шутки.

Минна. Да, я спокойна. Идем. И тебе тоже придется играть при этом роль. (Обе уходят в свою комнату.)

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Комната Минны

Явление первое

Минна (одета богато, но со вкусом) и Франциска. Они кончили обед, встают. Слуга убирает со стола.

Франциска. Вы вряд ли насытились, барышня!

Минна. Ты думаешь. Франциска? Ведь я не была голодна, когда садилась за стол.

Франциска. Мы решили не говорить о нем за обедом, но надо было еще приказать себе не думать о нем.

Минна. Ты права, я думала только о нем.

Франциска. Мне это было ясно. Я заводила речь о том, о сем, но вы на все отвечали невпопад.

Другой слуга приносит кофе.

Вот напиток, располагающий к мечтам, к грусти! Милый меланхолический кофе!

Минна. К мечтам? Я не мечтаю. Я только обдумываю урок, который хочу ему преподать. Ты хорошо поняла меня, Франциска?

Франциска. О да, но было бы еще лучше, если бы он сделал ненужным этот урок.

Минна. Ты увидишь, как хорошо я знаю Телльхейма. Теперь он отказывается от меня и моих богатств, но он будет сражаться за меня со всем миром, если узнает, что я несчастна и покинута.

Франциска (очень серьезно). А это, должно быть, приятно щекочет самое утонченное самолюбие?

Минна. Какой строгий критик! Подумайте! То она ловит меня на суетности, то на самолюбии. Уж оставь меня, милая Франциска. Ведь и ты можешь делать со своим вахмистром что тебе вздумается.

Франциска. С моим вахмистром?

Минна. Как бы ты ни отнекивалась, это так. Я еще и не видела его, но каждое твое слово, сказанное о нем, дает мне основание пророчить, что он твой суженый.

Явление второе

Риккоде ла Марлиньер, Минна, Франциска.

Рикко (еще за сценой). Est-il permis, monsieur le Major? {Можно войти, господин майор?}

Франциска. Что это? К нам? (Идет к двери.)

Рикко. Parbleu! {Чорт возьми!} Я ошибся. Mais non! {Да нет.} Я не ошибся. C'est sa chambre... {Это его комната...}

Франциска. Барышня, этот господин, должно быть, еще рассчитывал найти здесь майора фон Телльхейма.

Рикко. Вот именно! Le Major de Tellheim; juste, ma belle enfant, c'est lui que je cherche. Ou est-il? {Майор Телльхейм; вот именно, мое прелестное дитя, его-то я и ищу. Где он?}

Франциска. Он уже не живет здесь.

Рикко. Comment! {Как!} Еще вчера жил здесь, а теперь уж не живет? Где же он живет?

Минна (подходя к нему). Господин...

Рикко. Ah, madame, mademoiselle... {Ах, сударыня, барышня...} Ваша милость, извините...

Минна. Сударь, ваша ошибка вполне простительна, и ваше удивление понятно. Господин майор был так добр и уступил мне, как приезжей, комнату, так как я не могла найти свободного помещения.

Рикко. Ah voila de ses politesses! C'est un tres ga-lant-homme que ce Major! {Как всегда, вежлив. Майор - весьма галантный человек.}

Минна. Но куда он переехал, я, к стыду моему, не знаю.

Рикко. Ваша милость не знает? C'est dommage, j'en suis fache. {Жаль. Я огорчен.}

Минна. Мне бы надо было, разумеется, узнать, где он живет. Его друзья будут здесь искать его.

Рикко. Я очень из его друзей, ваша милость.

Минна. Франциска, может быть, тебе известно...

Франциска. Нет, барышня.

Рикко. Мне надобность говорит с ним. Я принес ему nouvelle, {Известие.} он будет очень обрадоваться...

Минна. Тем досаднее. Но я надеюсь скоро увидеть его. Если это безразлично, из чьих уст он узнает приятную новость... то... я предлагаю свои услуги.

Рикко. Понимаю. Mademoiselle parle francais? Mais sans doute; telle que je la vois! La demande etait bien im-polie; vous me pardonneriez, mademoiselle? {Сударыня, вы говорите по-французски? Но какие могут быть сомнения! Достаточно взглянуть на вас! Это был невежливый вопрос. Вы меня извините, сударыня...}

Минна. Сударь...

Рикко. Нет? Вы не говорите по-французски, ваша милость?

Минна. Во Франции я говорила бы по-французски. Но здесь? Зачем? Вы меня, повидимому, понимаете, я тоже пойму вас. Говорите, как вам угодно.

Рикко. Корошо, корошо. Я могу объясняться и по-немецки. *Sachez done, mademoiselle.* {Знайте же, сударыня.} Ваша милость должна знать, что я пошел с обеда у господина министра... министра... как называйся тот министр? Тот самый... на длинной улице... на широкой площади?

Минна. Я никого здесь еще не знаю.

Рикко. Ну! Это министр от военного ведомства... Я у него обедал. Я обедаю у него а *l'ordinaire*. {Запросто.} И вот речь заходила о майоре фон Телльхейме; *et le ministre m'a dit en confidence, car son Excellence est de mes amis, et il n'y a point de mysteres entre nous.* {И министр сообщил мне по секрету - ведь его превосходительство - мой друг и ничего от меня не скрывает.} Его превосходительство, говорю я, по секрету сказал мне, что дело господина майора подходит к point, и к корошему концу. Он сделал *rapport* {Доклад.} королю, и король решил *tout-a-fait en faveur du Major. Monsieur, m'a dit son Excellence, vous comprenez bien, que tout depend de la maniere, dont on fait envisager les choses au roi, et vous me connaissez.* {Всецело в пользу майора. Сударь, сказал мне его превосходительство, вы хорошо понимаете, что все зависит от того, как доложить дело королю, и вы меня знаете.} *Cela fait un tres joli garçon, que ce Tellheim, et ne sais-je pas que vous l'aimez? Les amis de mes amis sont aussi les miens. Il coute un peu cher au roi, ce Tellheim, mais est-ce que Ton sert les rois pour rien? Il faut s'entr'aider en ce monde; et quand-il s'agit de pertes, que ce soit le roi qui en fasse, et non pas un honnete homme de nous autres. Voila le principe, dont je ne me deparais jamais.* {Этот Телльхейм - премилый молодой человек, и разве я не знаю, что вы его любите? Друзья моих друзей - мои друзья. Он немножко дорого обходится королю, этот Телльхейм, но разве королям служат даром? На этом свете следует поддерживать друг друга. И если уже неизбежны убытки, то пусть их несет король, а не порядочный человек нашего круга. Вот правило, которому я никогда не изменяю.} Что скажет на это ваша милость? Не правда ли, это очень прекрасный человек? Ah! *que son Excellence a le coeur bien place!* {Ах, какое доброе сердце у его превосходительства!} Он заверил меня *au reste*, {В конце концов.} что если майор еще не получил *une lettre de la main*, {Собственноручное письмо.} королевский письмо, то он получит его еще сегодня *infailliblement.* {Неприменно.}

Минна. Это известие будет, конечно, весьма приятно майору фон Телльхейму. Я хотела бы только вместе с тем сообщить ему имя друга, который принимает такое участие в его удаче.

Рикко. Ви желаеть знать мой имя? *Vous voyez en moi, votre grâce voit en moi le chevalier Riccaut de la Marliniere, Seigneur de Pret-au-Val, de la branche de Pren d'Or.* {Вы видите перед собой кавалера Рикко де ла Марлиньер, владельца Прет-о-Валь из ветви де Пран д'Ор.} Ваша милость удивляется узнать, что я из такого знатного, очень знатного рода, *qui est veritablement du sang royal. Il faut le dire: je suis sans doute le cadet le plus aventureux que la maison a jamais eu.* {Чистой королевской крови... Нужно сказать, что я, без сомнения, самый предприимчивый из всех младших сыновей, когда-либо бывших в этой семье.} Я слюжу с одиннадцати лет. Одна *affaire d'honneur* {Дуэль.} принуждала меня бежать. Затем я слюжил у его папского святишества, в республике Сан-Мартино, в Польском Королевстве и Генеральных Штатах, и, наконец, я отправился сюда. *Ah, mademoiselle, que je voudrais n'avoir jamais vu ce pays-la.* {Ах, сударыня, как было бы хорошо для меня, если бы я никогда не видел этой страны!} Оставили бы меня на службе в Генеральных Штатах, я был бы уже по крайней мере полковник, А здесь я все *capitaine*, {Капитан.} да еще *capitaine* в отставке.

Минна. Это большое несчастье.

Рикко. *Oui, mademoiselle, me voila reforme et par la mis sur le pave!* {Да, сударыня, и вот я в отставке и тем самым выброшен на улицу.}

Минна. Я очень сожалею.

Рикко. *Vous etes bien bonne, mademoiselle.* {Вы очень добры, сударыня.} Нет, здесь не умеют оценить заслуги. Такого человека, как я, *reformer.* {Уволить в отставку.} Человека, который к тому же себя *mine* {Разорил.} на этой слюжке. Я выложил из кармана более чем двадцать тысяч ливров. Что у меня осталось теперь? *Tranchons le mot; je n'ai pas le sou, et me voila exactement vis-a-vis du rien.* {Скажем всю правду: у меня нет ни гроша и ни малейших надежд на будущее.}

Минна. Мне страшно жаль...

Рикко. *Vous etes bien bonne, mademoiselle.* {Вы очень добры, сударыня.} Но, как принято говорить: приходила беда, растворяя ворота; *qu'un malheur ne vient jamais seul.* {Несчастье не приходит в одиночку.} Так и со мной *arrive.* {Случилось.} Какие *ressources* {Источники дохода.} может иметь *un honnete homme de mon extraction,* {Честный человек моего происхождения.} кроме игры? В игре мне всегда возило, пока я не нуждался в удаче. А с тех пор, как она мне нужна, *mademoiselle, je joue*

avec un guignon qui surpasse toute croyance. {Сударыня, я играю так несчастливо, что это превосходит всякое вероятие.} Две недели не было даже один день, чтобы они не сорвали у меня банк. Еще вчера они три раза сорвали. Je sais bien, qu'il y avait quelque chose de plus que le jeu. Car parmi mes pontes se trouvaient certaines dames. {Я знаю, что за этим скрывается и нечто другое, потому что между моими понтерами были и дамы.} Я ничего больше не хочу сказать. С дамами надо иметь вежливость. Они сегодня тоже меня invite, {Пригласили.} чтобы дать мне revanche, mais - vous m'entendez, mademoiselle... {Реванш... Но, вы меня понимаете, сударыня...} Но надо сначала знать, на что жить, а потом уж на что играть.

Минна. Надеюсь, сударь...

Рикко. Vous etes bien bonne, mademoiselle. {Вы очень добры, сударыня.}

Минна (отзывает Франциску в сторону). Мне, право, жаль этого человека. Не обидится ли он, если я ему предложу небольшую сумму?

Франциска. Вот уж не похоже.

Минна. Хорошо. - Я слышу, сударь, что вы играете, держите банк. Повидимому, в местах, где можно рассчитывать на выигрыш. Должна сознаться, что я... тоже очень люблю игру.

Рикко. Tant mieux, mademoiselle, tant mieux. Tous les gens d'esprit aiment le jeu a la fureur. {Тем лучше, сударыня, тем лучше. Все умные люди любят карты до страсти.}

Минна. Мне доставляет удовольствие выигрывать, и я охотно рискну своими деньгами в доле с человеком, который умеет играть. Согласны ли вы, сударь, принять меня в компанию? Предоставить мне долю в вашем банке?

Рикко. Comment, mademoiselle? Vous voulez etre de moitie avec moi? De tout mon coeur! {Как, сударыня, вы хотите войти ко мне в долю? От души рад!}

Минна. Для начала рискну маленькой суммой. (Идет к шкатулке, вынимает деньги.)

Рикко. Ah, mademoiselle, que vous etes charmante. {Ах, сударыня, как вы милы!}

Минна. Вот то, что я недавно выиграла, - всего десять пистолей, мне неловко... Так мало...

Рикко. Donnez toujours, mademoiselle, donnez. {Все же дайте, сударыня, дайте.} (Берет деньги.)

Минна. Конечно, сударь, вы ведете значительную игру...

Рикко. Да, многозначительную. Десять пистолей? Ваша милость должна

быть interessee {Заинтересована.} в одной треть, pour le tiers, {На одну треть.} хотя, конечно, для третья часть надо бы вложить немного побольше. Но с прекрасной дамой расчет не такой аккуратный. Я поздравляю себя с тем, что таковым образом завязал liaison {Отношения.} с вашей милостью et de ce moment je recommence a bien augurer de ma fortune. {Я предвижу, что отныне ко мне возвращается удача.}

Минна. Но я не могу присутствовать при вашей игре, сударь.

Рикко. На что вашей милости присутствовать? Мы, игроки, - честные люди друг перед другом.

Минна. Если вам посчастливится, сударь, вы уж принесете мне мою долю, а если не посчастливится...

Рикко. Я приду за подкреплением. Не так ли, ваша милость?

Минна. Подкрепления у нас едва ли хватит надолго. Поэтому защищайте хорошенько наши деньги, сударь.

Рикко. За кого вы меня принимаете, сударыня? Что я простак? Болван?

Минна. Простите...

Рикко. Je suis des bons, mademoiselle. Savez-vous ce que cela veut dire? {Я бью наверняка, сударыня. Знаете ли вы, что это.} Я мастер своего дела!

Минна (удивленно). Но... неужели вы...

Рикко. Je sais monter un coup... {Я умею все заранее подстроить.}

Минна (удивленно.) Разве вы?..

Рикко. Je file la carte avec une adresse. {Я ловко подмениваю карты.}

Минна. Никогда...

Рикко. Je fais sauter la coupe avec une dexterite. {Я искусно срезаю колоду.}

Минна. Но неужели вы, сударь...

Рикко. Чего неужели, ваша милость? Чего там? Don-nez-moi un pigeonneau a plumer, et... {Дайте мне простачка, я его обработаю.}

Минна. Плутовать в игре? Обманывать?

Рикко. Comment, mademoiselle? Vous appelez cela обманывать? Corriger la fortune, l'enchatner sous ses doigts, etre sifir de son fait, {Как, сударыня, вы называете - это обманывать? Помогать судьбе, прибрать ее к рукам, быть уверенным в исходе игры?} это немцы называют обманывать? О, какой же бедный немецкий язык. Какой же он неуклюжий язык!

Минна. Нет, сударь, если вы так думаете...

Рикко. Laissez-moi faire, mademoiselle, {Предоставьте мне действовать по моему усмотрению.} и будьте спокойны... До вас не касается, как я играю. Довольно. Завтра, сударыня, я принесу вам сто пистолей, или же вы больше меня совсем не увидите. Votre tres humble, mademoiselle, votre tres

humble... {Ваш покорнейший слуга, сударыня, ваш покорнейший...}
(Поспешно уходит.)

Минна (удивленно и сокрушенно глядя ему вслед). Я желала бы последнего, сударь, последнего!

Явление третье

Минна, Франциска.

Франциска (с горечью). Что тут скажешь! Хорошо, очень хорошо...

Минна. Смейся надо мною, Франциска. Я этого заслуживаю.
(Подумав, спокойнее.) Нет, Франциска, не смейся, я не заслужила этого.

Франциска. Превосходно! Милый поступок! Помогли жулику стать на ноги!

Минна. Я видела в нем несчастного.

Франциска. Но лучше всего то, что этот негодяй видит в вас своего поля ягуду. Нет, я должна побежать за ним, отобрать у него деньги! (Хочет итти.)

Минна. Франциска, кофе совсем остынет. Налей мне.

Франциска. Я заставлю его вернуть деньги. Вы передумали! Вы не желаете быть с ним в доле. Десять пистолей! Ведь вы же слышали, что это нищий?

Минна сама наливает кофе.

Кто подает нищему такую сумму? Да еще старается избавить его от унижения, - чтобы ему не приходилось выпрашивать эту подачку? Если вы из великодушия не считаете нищего нищим, то он не считает ваше благодеяние благодеянием... Вот вы и получили по заслугам: он принял ваш дар за... я не подберу слова!

Минна передает чашку Франциске.

Вы хотите еще больше взбудоражить меня? Я не хочу кофе!

Минна берет чашку обратно.

"Parbleu, ваша милость, здесь не умеют оценивать заслуги!" (Подражает тону француза.) Конечно, не умеют, если позволяют жуликам бегать на свободе, вместо того чтобы вздернуть их.

Минна (холодно и задумчиво, отпивая кофе). Девочка, ты так хорошо понимаешь хороших людей, но когда ты научишься терпеть плохих?.. А ведь они тоже люди. И порой далеко не такие плохие, как может показаться. Надо только суметь найти в них хорошую сторону. Мне представляется, что этот француз попросту тщеславен. Из чистого тщеславия он прикидывается шулером; он не хочет казаться мне обязанным. Хочет избавить себя от долга благодарности. Он, может стать, пойдет и заплатит свои небольшие долги, а на оставшиеся деньги

будет потихоньку жить, пока их хватит, не помышляя об игре. Если это так, милая Франциска, пусть он явится за подкреплением, когда ему вздумается. (Протягивает ей чашку.) Вот убери. Но скажи, не пора ли Телльхейму уже быть здесь?

Франциска. Я, барышня, не умею ни того, ни другого: не умею разглядеть хорошую сторону в плохом человеке и плохую - в хорошем.

Минна. Ведь он придет?

Франциска. Пусть бы догадался не прийти! Вы подметили в нем немножко гордости - в нем, в этом лучшем из людей - и хотите так безжалостно подшутить над ним!

Минна. Ты опять за свое? Молчи. Я так хочу. Если ты только мне испортишь это удовольствие, если не будешь говорить и делать все, как мы условились!.. Я оставлю тебя с ним с глазу на глаз, и тогда... Но вот, кажется, и он.

Явление четвертое

Пауль Вернер (входит, держится прямо, навывтяжку как в строю),
Минна,

Франциска.

Франциска. Нет, это только его милый вахмистр.

Минна. Милый? К кому относится это словечко?

Франциска. Барышня, да не смущайте вы его! К вашим услугам, господин вахмистр. С какой вы к нам весточкой?

Вернер (не обращая внимания на Франциску, подходит к Минне). Майор фон Телльхейм свидетельствует милостивой госпоже фон Барнхельм через меня, вахмистра Вернера, свое нижайшее почтение и сообщает, что он вскорости будет здесь.

Минна. Где он задержался?

Вернер. Простите, ваша милость. Мы вышли из дома еще до того, как пробило три, но дорогой его остановил военный казначей, и так как разговор с подобным господином - дело затяжное, он сделал мне знак отправиться к вам и рапортовать о случившемся.

Минна. Очень хорошо, господин вахмистр. Хотелось бы только, чтобы военный казначей сообщил майору какую-либо отрядную новость.

Вернер. От этих личностей офицер не часто может услышать что-либо приятное. Не будет ли от вашей милости приказаний? (Собирается уходить.)

Франциска. Ну, куда вы опять убегаете, господин вахмистр? Разве нам не о чем поболтать?

Вернер (тихо и серьезно). Не здесь, барышня, это было бы против всех

правил вежливости и дисциплины. Сударыня...

Минна. Благодарю вас за труд, господин вахмистр. Я рада познакомиться с вами. Франциска рассказала мне о вас много хорошего.

Вернер неуклюже раскланивается и уходит.

Явление пятое

Миина, Франциска.

Минна. Это и есть твой вахмистр, Франциска?

Франциска. Некогда мне перекояться с вами, хоть вы так насмешливо сказали "твой". Да, барышня, это мой вахмистр. Вы, должно быть, нашли его неповоротливым, деревянным? Теперь он и мне показался почти таким же. Но я догадываюсь, что он считал нужным вести себя в вашем присутствии как на параде. А солдат на параде, да, понятно, это уж скорее заводная кукла, чем человек. Вот если бы вы присмотрелись и прислушались к нему, когда он на вольной воле...

Минна. Я не прочь.

Франциска. Он наверно еще в зале. Можно мне выйти к нему - поболтать немножко?

Минна. Мне жаль отказать тебе в этом удовольствии. Но тебе надо остаться здесь, Франциска. Ты должна присутствовать при нашем разговоре... Я еще кое-что задумала. (Снимает перстень с пальца.) Возьми этот перстень, спрячь его, а мне дай взамен перстень майора.

Франциска. Для чего это?

Минна (меж тем как Франциска достает другой перстень). Я еще сама хорошенько не знаю. Но мне кажется... Я предвижу, что он мне может понадобиться. Стучат. Дай скорее перстень! (Надевает перстень.) Вот и он!

Явление шестое

Фон Телльхейм (в той же одежде, но привел себя в порядок по совету Франциски), Минна, Франциска.

Фон Телльхейм. Сударыня! Извините за опоздание.

Минна. Господин майор! Не будем придерживаться в наших отношениях военной точности. Вы пришли. А дожидаться радости ведь тоже радостно... Ну? (С улыбкой смотрит на него.) Дорогой Телльхейм, разве мы не вели себя сегодня как дети?

Фон Телльхейм. Да, как дети, сударыня, как дети, которые упираются на своем, когда им следовало бы спокойно подчиниться.

Минна. Мы поедем с вами, дорогой майор, посмотреть город, а затем встретим моего дядю.

Фон Телльхейм. Как вы говорите?

Минна. Вот видите, мы не сказали друг другу даже самого важного.

Да, он приезжает сегодня же. Лишь по воле случая я приехала сюда на день раньше.

Фон Телльхейм. Граф фон Брухзаль? Он вернулся?

Минна. Превратности войны заставили его уехать в Италию. С заключением мира он вернулся. У вас нет оснований беспокоиться, Телльхейм. Если мы раньше боялись, что серьезнейшая опасность грозит нашему союзу именно с этой стороны...

Фон Телльхейм. Нашему союзу?

Минна. Он вам друг. Он слышал о вас слишком много хорошего и слишком уж от многих, чтобы не быть вам другом. Он горит желанием лично познакомиться с избранником его единственной наследницы. Он приедет как дядя, как опекун, как отец, чтобы вручить меня вам.

Фон Телльхейм. Ах, сударыня, отчего вы не прочли моего письма? Отчего вы не захотели прочесть его?

Минна. Вашего письма? Да, помню. Вы послали мне письмо. Что было с этим письмом, Франциска? Мы читали его или не читали? О чем вы писали мне, дорогой Телльхейм?

Фон Телльхейм. Только о том, что мне повелевает честь.

Минна. Честь повелевает не покидать честной девушки, которая вас любит. Да, именно это повелевает честь. Конечно, мне надо было прочесть ваше письмо. Но я услышу сейчас то, чего я не прочла в письме.

Фон Телльхейм. Да, вы услышите.

Минна. Нет, даже и слышать незачем. Это само собою разумеется. Разве вы способны на такую низость - отречься от меня теперь? Понимаете ли вы, что этим опозорили бы меня на всю жизнь? Мои землячки показывали бы на меня пальцем. "Вот она, говорили бы они, вот девица фон Барнхельм, которая возомнила, что может выйти замуж, только потому что она богата, за доблестного фон Телльхейма. Как будто доблестных людей можно получать за деньги!" Вот что они говорили бы, - ведь все мои землячки завидуют мне. Они не могут отрицать, что я богата; но они не допускают, что я сама по себе неплохая девушка, что я стою хорошего мужа. Не правда ли, Телльхейм?

Фон Телльхейм. Да, да, сударыня, узнаю в этом ваших землячек. Они позеленеют от зависти при мысли, что вы выходите за уволенного в отставку, опозоренного офицера, калеку, нищего!

Минна. И все это вы относите к себе? Если не ошибаюсь, я уже слышала нечто подобное сегодня утром. Тут есть и плохое и хорошее. Рассмотрим все это по порядку. Вы получили отставку? Так я вас поняла? Я думала, что вац полк просто расформирован. Как это произошло, что

такого заслуженного человека не удержали на службе?

Фон Телльхейм. Все произошло так, как тому быть должно. Великие мира сего убедились, что некий солдат делает очень мало из преданности им, немногим больше по обязанности, но зато делает все из чувства чести. Надо ли удивляться, что они не считают себя в долгу перед ним! После войны многие мне подобные оказались не нужны этим великим мира сего, и, наконец, теперь никто не является для них необходимым.

Минна. Вы говорите так, как надлежит говорить человеку, который сам легко может обойтись без великих мира сего. И никогда еще вы не нуждались в них так мало, как сейчас. Я от всего сердца благодарю их за то, что они отступились от своих притязаний на человека, которого я лишь крайне неохотно делила бы с ними. Я ваша повелительница, Телльхейм, и другой власти вам не нужно. Найти вас в отставке, - такое счастье мне даже не грезилось. Но отставка - это еще не все. Есть еще что-то другое. Что же это? Вы еще - как вы сказали? "Я - калека", сказали вы. Ну (оглядывает его с головы до ног), этот калека еще достаточно цел и строен, он, видно, достаточно силен и здоров. Милый Телльхейм, если вы как инвалид вздумаете просить милостыню, то я предсказываю, что мало где вам подадут ее; разве только у дверей добросердечных девушек вроде меня.

Фон Телльхейм. Теперь я слышу только речи шаловливой девочки, дорогая Минна.

Минна. А я слышу в вашем выговоре только "дорогая Минна". Шалостей больше не будет. Ведь я помню, что вы в самом деле получили небольшое увечье. Вас ранило в правую руку, и вы не вполне владеете ею. Но если хорошенько вдуматься, тут ничего нет плохого. Это только предохранит меня от ваших побоев.

Фон Телльхейм. Сударыня!

Минна. Вы хотите сказать, что тем менее вы будете защищены от моих. Ну, ну, милый Телльхейм, вы не доведете меня до этого.

Фон Телльхейм. Вы все смеетесь, сударыня. Жаль, что я не могу смеяться вместе с вами.

Минна. Почему же? Что вы имеете против смеха? Разве нельзя смеяться и быть очень серьезным? Дорогой майор, смех - более крепкая опора для разума, чем озлобление. За доказательством недалеко итти: ваша смеющаяся подруга разбирается в ваших делах гораздо правильнее, чем вы сами. Вы получили отставку и считаете это оскорбительным для вашей чести. У вас прострелена рука, и вы называете себя калекой. Так ли это? Разве это не преувеличение? И разве моя вина в том, что всякое преувеличение вызывает смех? Бьюсь об заклад, если взяться за проверку

вашего нищенства, то от него тоже ничего не останется. Пусть вы раз, другой, третий лишились своего имущества; пусть у того или другого банкира пропадут ваши капиталы; пусть вы потеряете надежду получить обратно какую-нибудь ссуду, выданную вами из собственных средств: но разве вы от этого стали нищим? Если бы даже у вас осталось только то, что вам привезет мой дядя...

Фон Телльхейм. Ваш дядя, дорогая Минна, ничего не привезет мне.

Минна. Ничего, кроме двух тысяч пистолей, которые вы так великодушно предложили займы нашим сословным представителям.

Фон Телльхейм. Если бы вы прочли мое письмо, сударыня!

Минна. Ну, да, я читала его. Но то, что я прочитала в нем на этот счет, - для меня истинная загадка. Не может быть, чтобы вам вменили в преступление этот благородный поступок... Объясните мне, дорогой майор...

Фон Телльхейм. Вы припоминаете, сударыня, что я получил приказ взыскать контрибуцию с казны вашей области - наличными деньгами и с беспощадной строгостью. Я не хотел проявить такую строгость и сам внес недостающую сумму.

Минна. Да, помню. За это я полюбила вас еще до знакомства с вами.

Фон Телльхейм. Сословные представители дали мне вексель, и я собирался при заключении мира включить его в сумму долгов, подлежащих утверждению. Вексель был признан действительным, но мое право на него взято под сомнение. Мне отвечали язвительной улыбкой, когда я уверял, что внес эту сумму наличными. В векселе увидели взятку - подарок сословных представителей в благодарность за то, что я так быстро сошелся с ними на самой низкой цифре, хотя мне разрешили удовольствоваться ею лишь в крайнем случае. Так вексель ушел из моих рук, и если он будет оплачен, то уж, конечно, не мне. Вот что, сударыня, я считаю позором для себя, а не отставку, которой я все равно потребовал бы, если бы не получил ее, Теперь вы серьезны, сударыня. Почему вы не смеетесь? Ха-ха-ха! А я смеюсь!

Минна. О, удержитесь от этого смеха, Телльхейм! Заклинаю вас. Это ужасный смех - смех ненависти. Нет, нет, вы не тот человек, который сожалеет о хорошем поступке оттого, что он имел для него печальные последствия. Нет, не может быть, чтобы эти дурные последствия были долговечны. Истина будет восстановлена! Показания моего дяди, всех наших сословных представителей...

Фон Телльхейм. Вашего дяди! Всех ваших сословных представителей! Ха-ха-ха!

Минна. Ваш смех убивает меня, Телльхейм. Если вы верите в добродетель и в провидение, Телльхейм, то не смейтесь так. Все проклятия, которые я когда-либо слышала, не так страшны, как ваш смех. И предположим наихудшее: если здесь решительно не захотят оценить вас по достоинству, то у нас не могут не оценить вас. Нет, не может этого быть, мы оценим вас, вас, Телльхейм. И если у наших сословий есть хотя бы намек на чувство чести, - то я знаю, что они должны сделать. Но я говорю глупости: какая во всем этом нужда? Вообразите, Телльхейм, что в один бурный вечер вы потеряли две тысячи пистолей. Король был для вас несчастливой картой, зато дама (показывая на себя) будет вам еще более благоприятствовать. Провидение, поверьте, всегда вознаграждает честного человека за его потери - часто даже заранее. Ведь тот поступок, который лишил вас впоследствии двух тысяч пистолей, зажег во мне любовь к вам. Не будь его, у меня так и не явилось бы желанья познакомиться с вами. Вы знаете, я пришла без приглашения на первый же вечер, где рассчитывала увидеть вас. Я пришла только ради вас, с твердым намерением полюбить вас - я уже полюбила вас, - с твердым намерением завоевать вас, если даже вы окажетесь таким же черным и безобразным, как венецианский мавр. Но вы не так черны и не так безобразны, и вы не будете так ревнивы! Ах, Телльхейм, Телльхейм, но все же у вас большое сходство с ним! О, эти неистовые, непреклонные мужчины, вечно устремляющие свой упрямый взор на призрак чести! Закрывшие другим чувствам доступ в свою душу! Взгляните же сюда, на меня, Телльхейм.

Погруженный в свои мысли Телльхейм неподвижно смотрит в одну точку.

О чем вы думаете? Вы не слышите меня?

Фон Телльхейм (рассеянно). О да, но скажите мне, сударыня! Каким образом мавр оказался на службе в Венеции? Разве не было у мавра родины? Почему он отдал свою руку, свою кровь на службу чужому государству?

Минна (испуганно). Телльхейм, где вы? Ну, пора кончать. (Берет его за руку.) Франциска, прикажи подать карету.

Фон Телльхейм (вырывается из рук Минны и идет за Франциской). Нет, Франциска, я должен отказаться от чести сопровождать барышню. Сударыня, оставьте мне хотя бы еще на сегодня мой здравый рассудок, отпустите меня. Вы делаете все для того, чтобы свести меня с ума. Я обороняюсь из последних сил. Но пока что я еще в своем уме, и поэтому выслушайте, сударыня, мое твердое решение, от которого ничто на свете не отворотит меня. Если в моей игре мне не улыбнется, наконец, счастье, если

моя судьба не изменится...

Минна. Я вынуждена вас перебить, господин майор. Надо было сразу сказать это ему, Франциска, ты никогда не напомнишь мне! Наш разговор принял бы совсем другой оборот! Телльхейм, если бы я начала с доброй вести, с которой только что явился к вам кавалер де ла Марлиньер...

Фон Телльхейм. Кавалер де ла Марлиньер? Кто это?

Франциска. Это, может быть, неплохой человек, господин майор, если только он...

Минна. Молчи, Франциска, он тоже отставной офицер, он служил раньше у голландцев.

Фон Телльхейм. А! Лейтенант Рикко!

Минна. Он называет себя вашим другом.

Фон Телльхейм. А я исключаяю себя из числа его друзей.

Минна. Какой-то министр сообщил ему по секрету, что ваше дело приближается к счастливой развязке. По-видимому, собственноручное письмо короля уже находится в пути.

Фон Телльхейм. Каким образом Рикко мог очутиться у министра? Впрочем, в моем деле произошла какая-то перемена. Только что военный казначей сообщил мне, что король снимает с меня обвинения, выдвинутые против меня, и освобождает от честного слова, которое я дал в письменной форме, - не уезжать до окончательного оправдания. Но, по-видимому, это и все. Меня хотят отпустить на все четыре стороны. Однако они ошибаются, я не уеду. Пусть я лучше погибну от злейшей нужды на глазах у моих клеветников...

Минна. Упрямец!

Фон Телльхейм. Милости мне не надо! Я добиваюсь справедливости. Моя честь...

Минна. Честь такого человека, как вы...

Фон Телльхейм (горячо). Нет, сударыня, вы можете правильно судить обо всем, но не об этом. Честь это не голос нашей совести, не свидетельство нескольких честных людей...

Минна. Нет, нет, я знаю. Честь это честь.

Фон Телльхейм. Словом, сударыня... Вы не дали мне кончить. Я хотел сказать: если у меня так оскорбительно отнимут мне принадлежащее, если моя честь не будет полностью восстановлена, то я не могу, сударыня, быть вашим. Ибо в глазах света я не достоин этого. Фрейлейн фон Барнхельм заслуживает ничем не запятнанного мужа. Какая цена любви, если она не боится навлечь презрение на свой предмет? Какая цена мужчине, если ему не стыдно быть обязанным всем своим счастьем женщине, чья слепая

нежность...

Минна. Это вы говорите серьезно, господин майор? (Вдруг поворачивается к нему спиной.) Франциска!

Фон Телльхейм. Не обижайтесь, сударыня!

Минна (в сторону, Франциске). Теперь как раз пора! Что ты мне советуешь, Франциска?

Франциска. Я ничего не советую. Хотя, конечно, он уже хватил через край!

Фон Телльхейм (прерывает ее). Вы обиделись, сударыня!

Минна (с иронией). Я? Нисколько!

Фон Телльхейм. Если бы я меньше любил вас, сударыня... Минна (все в том же тоне). О, разумеется, это было бы для меня несчастьем! И видите ли, господин майор, я тоже не хочу сделать вас несчастным... Любить надо бескорыстно... Как хорошо, что я не была с вами более откровенна. Может быть, ваше сострадание дало бы мне то, в чем отказывает ваша любовь. (Медленно снимает перстень с пальца.)

Фон Телльхейм. Что вы этим хотите сказать, сударыня?

Минна. Нет, никто не должен делать другого ни более счастливым, ни более несчастным. Так повелевает истинная любовь. Я верю вам, господин майор; и в вас слишком сильно чувство чести, чтобы не понимать законов любви.

Фон Телльхейм. Вы смеетесь надо мной, сударыня?

Минна. Вот! Возьмите обратно перстень, знак вашей верности мне. (Передает ему перстень.) Пусть будет так! Отныне мы друг друга не знаем...

Фон Телльхейм. Что я слышу?

Минна. И вас это удивляет? Да берите ж, сударь... Ведь ваши слова не были пустым жеманством.

Фон Телльхейм (берет кольцо из ее рук). Боже! И так говорит Минна!

Минна. Вы не можете быть моим только в одном случае. Я не могу быть вашей - ни в каком. Ваше несчастье - только вероятность; мое - уже свершилось. Прощайте! (Хочет уйти.)

Фон Телльхейм. Куда, дорогая Минна?

Минна. Сударь, этим вольным обращением вы теперь уже оскорбляете меня!

Фон Телльхейм. Что с вами? Куда вы?

Минна. Оставьте меня. Скрыть от вас мои слезы, изменник! (Уходит.)

Явление седьмое

Фон Телльхейм, Франциска.

Фон Телльхейм. Ее слезы? Мне ее оставить? (Хочет последовать за Минной.)

Франциска (удерживает его). Куда вы, господин майор! Ведь вы же не последуете за ней в ее спальню?

Фон Телльхейм. Ее несчастье? Ведь она говорила о несчастье?

Франциска. Ну, конечно. О несчастье потерять вас, после того как...

Фон Телльхейм. После того как - что? Тут есть какая-то тайна... В чем же дело, Франциска? Скажи! Да говори же!

Франциска. После того как она, - хотела я сказать, - так много принесла вам в жертву.

Фон Телльхейм. Принесла мне в жертву?

Франциска. Коротко говоря, слушайте: для вас... очень хорошо, господин майор, что вы таким образом отделались... Почему бы мне не рассказать вам этого... Это же не может вечно оставаться тайной... Мы бежали! Граф фон Брухзаль лишил барышню наследства за то, что она не соглашалась выйти замуж по его желанию. Все покинули ее, все выказывали ей пренебрежение. Что нам оставалось? Мы решили отыскать того, кого мы...

Фон Телльхейм. Довольно. Идем, я должен броситься к ее ногам!

Франциска. Что вы? Лучше уходите и благодарите вашу счастливую звезду.

Фон Телльхейм. Несчастливая! За кого ты меня принимаешь? Нет, дорогая Франциска, этот совет подсказало тебе не сердце. Прости мою запальчивость.

Франциска. Не задерживайте меня. Надо взглянуть, что с ней. Как бы чего не случилось! Идите! Приходите лучше в другой раз, если только у вас будет желание прийти. (Уходит.)

Явление восьмое

Фон Телльхейм. Но, послушайте, Франциска! О, я дождусь вас здесь!.. Нет, это важнее!.. Если она увидит, что я готов действовать, она не может не простить меня. Ну, мой честный Вернер, теперь ты нужен мне! Нет, Минна, я не изменник! (Поспешно уходит.)

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Зала.

Явление первое

Фон Телльхейм входит с одной стороны, Вернер с другой.

Фон Телльхейм. А! Вернер! Я тебя повсюду разыскиваю. Куда ты девался?

Вернер. А я ищу вас, господин майор. Вот так оно и бывает, когда

ищешь! Я к вам с доброй вестью.

Фон Телльхейм. Ах, сейчас мне нужны не твои вести, мне нужны твои деньги. Живо, Вернер, дай мне все, что у тебя есть, и попытайся раздобыть еще, сколько сможешь.

Вернер. Господин майор! Клянусь моей бедной душой! Я так и знал: он одолжит у меня деньги, когда сам сможет их раздавать.

Фон Телльхейм. Ведь ты не собираешься увильнуть?

Вернер. Чтобы отделаться от моих упреков, он берет у меня деньги правой рукой и возвращает их левой!

Фон Телльхейм. Не задерживай меня, Вернер... Я намерен вернуть тебе щ, Но когда и как? Один бог ведает...

Вернер. Вам, значит, еще неизвестно, что дворцовому казначейству дан приказ расплатиться с вами? Я только что узнал об этом...

Фон Телльхейм. Что ты несешь? Почему ты позволяешь дурачить себя? Разве тебе не ясно, что я первый узнал бы об этом, будь это так? Словом, Вернер, деньги, деньги!

Вернер. Если так - с радостью. Вот кое-что есть. Вот сто луидоров, а здесь - сто дукатов. (Отдает ему деньги.)

Фон Телльхейм. Эти сто луидоров, Вернер, тотчас же снеси Юсту. Пусть он немедленно выкупит перстень, который заложил сегодня утром... Но где ты возьмешь еще денег?.. Мне нужно значительно больше.

Вернер. Это уж моя забота. Человек, купивший мое имение, живет в городе. Хотя срок платежа через две недели, вся сумма у него наготове, и за какие-нибудь полпроцента скидки...

Фон Телльхейм. Ну вот, милый Вернер!.. Как видишь, я прибегаю только к твоей помощи. И я должен все же открыться тебе. Эта барышня - ты видел ее несчастна...

Вернер. О горе!

Фон Телльхейм. Но завтра она станет моей женой.

Вернер. О радость!

Фон Телльхейм. А послезавтра я уеду с ней отсюда. Я могу и хочу уехать! Уж лучше все оставить здесь на волю судьбы! Кто знает, где меня ждет счастье? Если хочешь, Вернер, поезжай со мной. Мы снова станем служить!

Вернер. В самом деле? Только поедем туда, где идет война, господин майор.

Фон Телльхейм. Куда же иначе? Иди, дорогой Вернер, мы еще потолкуем об этом.

Вернер. О дорогой мой майор!.. Послезавтра? Почему не завтра?.. Уж

я все сделаю. В Персии, господин майор, идет отличная война. Как вы смотрите на это?

Фон Телльхейм. Мы еще подумаем. Но теперь иди, иди, Вернер!

Вернер, Ура! Да здравствует князь Ираклий!

Явление второе

Фон Телльхейм. Что со мною? Я снова воспрянул духом. Мое собственное несчастье пришибло меня, я стал раздражительным, недальновидным, робким, вялым; ее несчастье окрылило меня. Я снова гляжу вокруг открытым взглядом и чувствую в себе силу и волю все предпринять ради нее. Но что же я мешкаю? (Направляется в комнату Минны, но навстречу ему выходит Франциска.)

Явление третье

Франциска, фон Телльхейм.

Франциска. Это вы и есть? Мне послышался ваш голос... Что вам угодно, господин майор?

Фон Телльхейм. Что мне угодно? Что делает барышня?.. Идем.

Франциска. Она собирается выехать на прогулку.

Фон Телльхейм. И одна? Без меня? Куда она едет?

Франциска. - Разве вы забыли, господин майор?

Фон Телльхейм. Не говори глупостей, Франциска. Я задел ее, она рассердилась; я попрошу прощения, и она простит меня.

Франциска. Как? Ведь вы же взяли у нее обратно перстень, господин майор?

Фон Телльхейм. О! Я был сам не свой. Только сейчас я вспомнил о перстне. Куда я его сунул? (Ищет.) Вот он.

Франциска. Тот ли это?

Фон Телльхейм снова прячет перстень.

Франциска (в сторону). Разглядел бы он его внимательнее.

Фон Телльхейм. Она заставила меня взять перстень с такой горькой укоризной... Я уже забыл эти укоры. Когда сердце полно, можно ли взвешивать слова? Но она возьмет перстень обратно, не задумываясь. Ведь и ее перстень еще у меня.

Франциска. Она ждет, чтобы вы вернули его. Где он, господин майор? Покажите мне его.

Фон Телльхейм (смущенно). Я... я... позабыл надеть его. Юст... Юст сейчас принесет мне его!

Франциска. Должно быть, они почти одинаковы. Дайте же мне взглянуть на ваш... Я без ума от таких вещей.

Фон Телльхейм. Как-нибудь в другой раз, Франциска, теперь идем.

Франциска (в сторону). Он никак не хочет понять своего заблуждения!
Фон Телльхейм. Что ты говоришь? Заблуждение?

Франциска. Вы заблуждаетесь, говорю я, если думаете, что барышня все еще для вас хорошая партия. Ее собственные средства совсем невелики; может статься, что опекуны недобросовестными расчетами вовсе лишат ее этих средств. Все свои надежды она возлагала на дядю, но жестокий дядя...

Фон Телльхейм. Оставь его! Разве я не в силах возместить ей все?

Франциска. Вы слышите, она звонит. Надо итти.

Фон Телльхейм. Я иду с тобою.

Франциска. Ради бога, не ходите! Она строго-настрого запретила мне вступать с вами в разговор. Или уж по крайней мере идите после меня. (Входит к Минне.)

Явление четвертое

Фон Телльхейм (вслед Франциске). Доложи ей обо мне! Заступись за меня, Франциска. Я приду тотчас же вслед за тобою! Что я ей скажу? Там, где можно дать волю сердцу, не нужна подготовка. Одно только, пожалуй, требует бережного обращения: это - ее сдержанность, то, что она, обездоленная, не хочет броситься в мои объятия, то, что она прикидывается счастливой, хотя счастье утрачено из-за меня. Надо, чтобы она простила самой себе эту неуверенность в моей чести и в собственных совершенствах. Самой себе... Я-то уж давно простил ей это... Ах! Она идет!..

Явление пятое

Минна, Франциска, фон Телльхейм.

Минна (проходит, будто не замечая майора). Коляска подана, Франциска? Мой веер!

Фон Телльхейм. Куда вы, сударыня? Минна (с напускной холодностью). Я уезжаю на прогулку, господин майор... Догадываюсь, почему вы побеспокоились еще раз явиться сюда: чтобы вернуть мне мой перстень. Хорошо, господин майор, будьте добры передать его Франциске. Франциска, возьми перстень у господина майора! Мне некогда. (Хочет удалиться.)

Фон Телльхейм (преграждает ей путь). Сударыня! Ах, что я узнал, сударыня! Я недостойн такой любви!

Минна. Значит, Франциска! Ты... господину майору?

Франциска. Все рассказала.

Фон Телльхейм. Не гневайтесь на меня, сударыня. Я не изменник. Из-за меня вы много потеряли в глазах света, но не в моих. В моих глазах вы бесконечно выиграли от этой потери. Вы еще не освоились с ней; вы

опасались, что она произведет на меня слишком тяжелое впечатление. И вы хотели на первых порах скрыть от меня эту потерю. Я не жалею на это недоверие: ведь вы желали сохранить меня. А это желание - моя гордость! Вы и меня застали в беде и не хотели прибавить к моей беде еще и вашу. Вы не могли знать, что известие о вашем несчастье так высоко подымет меня над моим собственным несчастьем.

Минна. Очень хорошо, господин майор! Но все это уже позади. Я освободила вас от вашего обета, а вы, взяв обратно перстень...

Фон Телльхейм. Ни от чего не отступился. Я, наоборот, теперь считаю себя более связанным, чем когда бы то ни было. Вы моя, Минна! Моя навеки! (Вынимает перстень.) Вот: примите его вторично, этот залог моей верности.

Минна. Мне снова взять этот перстень? Этот перстень?

Фон Телльхейм. В первый раз вы взяли его из моих рук, когда мы оба находились в одинаковом, и счастливом, положении. Теперь наше положение изменилось к худшему, опять одинаково для обоих. А равенство всегда было самой прочной основой любви. Разрешите, Минна, любимая моя! (Берет ее руку, чтобы надеть перстень.)

Минна. Как? Насильно, господин майор?.. Нет в мире такой силы, которая заставила бы меня снова принять этот перстень... Вы, может быть, думаете, что мне не хватает перстня? Вы же видите, что у меня есть еще один (указывает на перстень), и нисколько не хуже вашего.

Франциска. Уж разглядел бы он, наконец!

Фон Телльхейм (выпускает руку Минны). Что это? Я вижу госпожу фон Барнхельм, но не слышу ее. Вы жеманитесь, сударыня. Простите, что я повторяю сказанное вами слово.

Минна (искренно). Оно оскорбило вас, господин майор?

Фон Телльхейм. Оно мне причинило боль.

Минна (взволнованно). Этого я не хотела, Телльхейм. Простите меня, Телльхейм.

Фон Телльхейм. А, этот задушевный тон говорит мне, что вы - снова вы, сударыня, что вы еще любите меня, Минна.

Франциска (не выдержав). Шутка уже зашла слишком далеко!

Минна (повелительно). Не вмешивайся в игру, Франциска, прошу тебя!

Франциска (в сторону, смущенно). Все еще мало?

Минна. Да, сударь, притворяться холодной, несмешливой было бы с моей стороны женским тщеславием. От этого я отрешусь! Вы заслуживаете такой же искренности с моей стороны, какую сами проявляете. Я еще

люблю вас, Телльхейм, я еще люблю вас, но все-таки...

Фон Телльхейм. Не продолжайте, дорогая Минна, не продолжайте. (Снова хватает ее руку, силясь надеть перстень.)

Минна (отнимает руку). Но все-таки - и тем более - я не допущу этого никогда! Никогда!.. О чем вы думаете, господин майор?.. Мне казалось, что с вас достаточно и собственного несчастья. Вы должны остаться здесь и во что бы то ни стало настаивать на самом полном удовлетворении. Второпях я не найду другого слова. Настаивать, даже если вы погибнете от злейшей нужды на глазах ваших клеветников.

Фон Телльхейм. Так я думал, так говорил, когда не сознавал, что я думаю, что говорю. Досада, затаенная ярость обволокли мою душу туманом, и даже сама любовь - во всем блеске счастья - не могла прогнать его. Но она выслала свою дочь - сострадание. Теснее связанное с мрачной скорбью, оно рассеивает туман и снова открывает нежным чувствам доступ к моему сердцу. Пробуждается жажда самосохранения, - ведь теперь мне предстоит охранять нечто более ценное, чем я сам, и надеяться только на себя. Пусть вас не задевает слово: сострадание. Оно не может унижить нас, сударыня, когда мы слышим его от невольного виновника нашего несчастья. Этот виновник я. Минна, вы утратили друзей и родных, состояние и родину из-за меня. Через меня, во мне вы должны снова обрести все это, или же у меня на совести будет гибель самой очаровательной представительницы вашего пола. Не обрекайте меня на такое будущее, когда я принужден был бы ненавидеть самого себя. Нет, ничто меня больше здесь не удерживает. С этой минуты я отвечаю лишь презрением на обиду, нанесенную мне. Разве свет клином сошелся? Разве только здесь восходит солнце? Разве мне заказаны пути в другие страны? Кто откажется взять меня на службу? И пусть бы даже мне пришлось искать ее под самым далеким небом, следуйте спокойно за мною, любимая моя Минна; у нас ни в чем не будет недостатка. У меня есть друг, который с радостью поддержит меня.

Явление шестое

Фельдъегерь, фон Телльхейм, Минна, Франциска.

Франциска (увидев фельдъегеря) Тс! Господин майор!

Фон Телльхейм (фельдъегерю). Вы к кому?

Фельдъегерь. Я ищу господина майора фон Телльхейма. А, ведь это вы и есть! Господин майор, я должен вручить вам письмо от короля. (Вынимает его из сумки.)

Фон Телльхейм. Мне?

Фельдъегерь. Согласно адресу...

Минна. Франциска, ты слышишь? Кавалер, значит, сказал правду?

Фельдъегерь (в то время, как Телльхейм берет письмо). Прошу прощения, господин майор. Вы могли бы получить его еще вчера, но мне не удалось разыскать вас. Только сегодня на параде я узнал ваш адрес от лейтенанта Рикко.

Франциска. Барышня, вы слышите? Вот он - министр кавалера! "Как его зовут... того министра... на широкой площади?"

Фон Телльхейм. Весьма признателен вам за хлопоты.

Фельдъегерь. Это моя обязанность, господин майор. (Уходит.)

Явление седьмое

Фон Телльхейм, Минна, Франциска.

Фон Телльхейм. Ах, сударыня! Что меня ждет? Что сулит мне это письмо?

Минна. Я не вправе простирать свое любопытство так далеко.

Фон Телльхейм. Как? Вы все еще отделяете мою судьбу от вашей? Но почему я медлю вскрыть письмо? Оно не может сделать меня еще несчастней; нет, дорогая Минна, оно не может сделать нас еще несчастней... а скорее счастливей... Разрешите, сударыня! (Вскрывает и читает письмо.)

Тем временем на сцену незаметно прокрадывается Хозяин.

Явление восьмое

Те же и Хозяин.

Хозяин (Франциске). Пст! Прелестное дитя! На одно слово!

Франциска (подойдя к нему). Господин хозяин? Ведь мы еще сами не знаем, что написано в этом письме.

Хозяин. Что мне до письма! Я насчет перстня. Пусть барышня немедленно вернет его мне. Юст пришел его выкупить.

Минна (тоже подошла к хозяину). Скажите Юсту, что перстень уже выкуплен. И скажите ему - кем: мною.

Хозяин. Но...

Минна. Я беру все на себя; идите!

Хозяин уходит.

Явление девятое

Фон Телльхейм, Минна, Франциска.

Франциска. Теперь, барышня, перестаньте мучить бедного майора!

Минна. Вот нашлась заступница! Как будто узел вот-вот не развяжется сам собою!

Фон Телльхейм (прочтя письмо, в сильном волнении). А! Он и здесь не изменил себе!.. О сударыня, какая справедливость!.. Какая милость!.. Сверх

всех моих ожиданий!.. Больше, чем я заслуживаю!.. Мое счастье, моя честь все восстановлено. Ведь это не сон? (Заглядывает в письмо, чтобы еще раз удостовериться.) Нет, это не мираж, созданный моими желаниями. Читайте сами, сударыня! Читайте сами!

Минна. Я не такая уж нескромная, господин майор.

Фон Телльхейм. Нескромная? Письмо - ко мне, вашему Телльхейму, Минна! В нем содержится то, что не властен отнять у вас ваш дядя. Вы должны прочесть. Читайте же!

Минна. Если вам угодно, господин майор. (Берет письмо и читает.)

"Мой дорогой майор фон Телльхейм! Довожу до вашего сведения, что дело, которое вызвало у меня сомнения, касавшиеся вашей чести, разрешилось в вашу пользу. Мой брат, тщательно ознакомившись с ним, засвидетельствовал, что вы более чем невиновны. Дворцовому казначейству дан приказ вернуть вам известный вексель и возместить суммы, выплаченные вами; я приказал также отменить решение военно-полевого казначейства, отказывавшегося платить по вашим счетам.

"Доложите мне, позволяет ли вам ваше здоровье вернуться на службу?, Мне не хотелось бы лишиться человека, отличающегося вашей храбростью и вашим образом мыслей. Пребываю к вам неизменно благосклонный.

Король и проч., проч."

Фон Телльхейм. Ну, что вы на это скажете, сударыня?

Минна (сложив письмо и возвращая его Телльхейму). Что я скажу? Ничего!

Фон Телльхейм. Ничего?

Минна! Впрочем, я скажу, что ваш король, этот великий человек, еще, невидимому, и хороший человек. Но что мне до этого? Он не мой король.

Фон Телльхейм. И больше вы ничего не скажете?.. Ничего - о нас с вами?

Минна. Вы вернетесь к нему на службу. Господин майор станет подполковником, а может быть, и полковником. От души поздравляю.

Фон Телльхейм. Так мало вы знаете меня? Нет, если того, что вернула мне судьба, достаточно для удовлетворения желаний разумного человека, то теперь единственно от моей Минны зависит, буду ли я принадлежать кому-нибудь, кроме нее. Только служению ей будет посвящена вся моя жизнь! Служение великим мира сего опасно и не вознаграждает труда, насилия над собой, унижений, которых оно стоит. Минна не из тех пустых женщин, которым в муже дорог только титул, положение. Она будет любить меня ради меня самого, а я ради нее забуду весь мир. Я стал солдатом из сочувствия к неким политическим принципам, - сам точно не знаю, каким,

- да еще вообразил, будто каждому честному человеку полезно некоторое время попытать свои силы на этом поприще, познать все, что называется опасностью, воспитать в себе хладнокровие и решимость. Только под давлением крайней нужды я мог бы сделать из этого опыта призвание, из случайного занятия - дело всей жизни. И теперь, когда мне не нужно насиловать себя, все мое честолюбие снова устремлено единственно на то, чтобы быть счастливым мирным человеком. Таким, дорогая Минна, я, без сомнения, стану с вами и таким всегда буду в вашем обществе. Завтра нас с вами соединят самые святыя узы; и тогда мы оглянемся вокруг и станем искать в широком мире самый спокойный, самый веселый, самый ликующий уголок, которому нехватает только счастливой четы, чтобы стать раем. Там мы будем жить. И каждый наш день... что с вами, сударыня?

Минна мечется из стороны в сторону, силясь скрыть свою растроганность.

Минна (овладев собою). Вы очень жестоки, Телльхейм. Вы так ярко описали мне счастье, от которого я должна отречься. Моя потеря...

Фон Телльхейм. Ваша потеря? Что вы называете вашей потерей? Все, что Минна могла потерять, это же не Минна. Вы все еще самое милое, красивое, очаровательное, самое лучшее существо под солнцем, вы воплощение доброты и великодушия, воплощение невинности и радости. Время от времени - маленькая шалость или вспышка своенравия. Тем лучше! Тем лучше! Иначе Минна была бы ангелом, которому я с трепетом поклонялся бы, но полюбить не мог бы. (Берег ее руку, чтобы поцеловать.)

Минна (отнимает руку). Нет, сударь! Что за неожиданное превращение!.. Холодный Телльхейм - и этот нежный пылкий влюбленный! Неужели вас так воспламенило вновь обретенное счастье? Но если у вас приступ лихорадки, разрешите мне сохранить рассудок за нас обоих. Я слышала от вас, когда вы еще сами способны были рассуждать, что невелика цена той любви, которая не боится навлечь презрение на свой предмет. Хорошо. Но я стремлюсь к такой же благородной, чистой любви, как и вы... Теперь, когда вас призывает честь, когда великий монарх приглашает вас к себе на службу, - могу ли я допустить, чтобы вы ушли в любовные грезы вместе со мною? Чтобы доблестный воин превратился в легкомысленного пастушка?.. Нет, господин майор, повинуйтесь велению благосклонной к вам судьбы...

Фон Телльхейм. Хорошо. Если вас более привлекает большой свет, Минна. Хорошо... Останемся в большом свете. Как ничтожен, как убог этот большой свет! Вы знаете только его показную сторону. Но, конечно, Минна, вы будете... Пусть будет так! До поры до времени... Пусть у вас не

будет недостатка в поклонниках ваших совершенств, а у меня - в завистниках моего счастья!

Минна. Нет, Телльхейм, вы не так поняли меня! Я отсылаю вас в большой свет, на путь почестей, но не собираюсь последовать туда за вами... Там Телльхейму нужна безупречная супруга. Сбившаяся с пути саксонская девушка, которая бросилась ему на шею...

Фон Телльхейм (вспыхнув и дико озираясь вокруг). Кто смеет так говорить? Ах, Минна, я страшусь самого себя, когда представляю себе, что это мог бы сказать кто-либо другой!.. Мой гнев не знал бы границ!

Минна. Ну, вот! В этом-то все и дело. Вы не потерпели бы и малейшей насмешки надо мною, а вам пришлось бы изо дня в день выслушивать самые едкие... Словом, выслушайте, Телльхейм, на что я твердо решилась и от чего я не отступлюсь ни за что на свете.

Фон Телльхейм. Прежде чем высказаться, сударыня... Заклинаю вас, Минна! Подумайте хоть одно мгновение о том, что своим, решением вы мне выносите приговор - жить мне или умереть.

Минна. Тут и думать нечего! Как верно то, что я вернула вам перстень, бывший когда-то залогом вашей верности, как верно то, что вы взяли обратно этот перстень, так же верно, что несчастная Барнхельм никогда не станет женой счастливого Телльхейма.

Фон Телльхейм. И это ваш окончательный приговор, сударыня?

Минна. Только равенство - твердая основа любви. Счастливая Барнхельм хотела жить только для счастливого Телльхейма. Несчастливая Минна тоже поддалась бы в конце концов уговорам и согласилась бы смягчить или, может быть, ухудшить несчастную судьбу друга. Вы, вероятно, заметили, что до получения письма, которое уничтожило всякое равенство между нами, я только для вида отказывалась быть вашей.

Фон Телльхейм. Это правда, сударыня? Благодарю вас, Минна, за то, что ваш приговор еще не окончательный. Вам угоден только несчастный Телльхейм? Он к вашим услугам. (Холодно.) Я как раз нахожу, что мне не подобает принять это запоздалое решение; лучше не требовать восстановления того, что запятнано столь позорным подозрением... Да, я считаю, что письмо это не получено. Вот все, чем я отвечу на него!.. (Хочет разорвать письмо.)

Минна (хватает его за руку). Что вы хотите, Телльхейм?

Фон Телльхейм. Обладать вами.

Минна. Пойдите же!

Фон Телльхейм. Письмо неминуемо будет разорвано, если вы не откажетесь от ваших доводов. И тогда мы посмотрим, что еще вы можете

возразить мне.

Минна. Как? Таким тоном? Что же мне - самой себе внушать презрение? Какое ничтожное существо та женщина, которая не стыдится быть обязанной всем своим счастьем слепой любви мужчины...

Фон Телльхейм. Неверно. От начала до конца неверно...

Минна. И вы смеете хулить ваши же речи, когда слышите их из моих уст?

Фон Телльхейм. Софистка! Значит, все то, что не пристало сильному полу, позорно и для слабого? Значит, мужчина может позволить себе все то, что позволительно женщине? Какому полу природа повелела быть опорой другому?

Минна. Успокойтесь, Телльхейм! Я не останусь совершенно беззащитной, даже если откажусь от чести стоять под вашей защитой. Если это будет необходимо, мне окажут покровительство. Я обратилась к нашему посланнику. Мы еще сегодня увидимся с ним. Надеюсь, что он примет во мне участие. Но время не ждет. Позвольте мне, господин майор...

Фон Телльхейм. Я провожу вас, сударыня.

Минна. Нет, господин майор. Оставьте меня.

Фон Телльхейм. Скорее ваша тень оставит вас! Идите, сударыня, к кому хотите, куда хотите. Везде и повсюду, знакомым и незнакомым, в вашем присутствии я буду рассказывать, по сто раз в день рассказывать, какие узы связывают меня с вами, из какого жестокого своеволия вы хотите расторгнуть эти узы...

Явление десятое

Те же и Юст.

Юст (в волнении). Господин майор, господин майор!

Фон Телльхейм. Что такое?

Юст. Идите скорей, скорей!

Фон Телльхейм. Куда итти? Поди сюда! Говори, что случилось?

Юст. Вы только послушайте. (Говорит ему на ухо.)

Минна (тихо Франциске). Ты догадываешься?

Франциска. Ах вы, бессердечная! Я была как на угольях.

Фон Телльхейм (Юсту). Что ты сказал? Этого быть не может. Она? (Дико смотрит на Минну.) Скажи это громко! Скажи это ей в лицо! Послушайте, сударыня!

Юст. Хозяин говорит, что барышня фон Барнхельм забрала перстень, который я у него заложил; она признала его своим и не пожелала вернуть его.

Фон Телльхейм. Это правда, сударыня? Нет, этого не может быть!

Минна (с улыбкой). Почему же нет, Телльхейм? Почему это не может быть правдой?

Фон Телльхейм (резко). Итак, это правда! Каким ужасным светом вдруг озарилось все вокруг! Я понял вас - лживую, неверную!

Минна (испуганно). Кто? Кто эта неверная?

Фон Телльхейм. Вы, которую я даже называть не хочу!

Минна. Телльхейм!

Фон Телльхейм. Забудьте мое имя! Вы приехали сюда, чтобы порвать со мною! Это ясно! Как охотно случай спешит на помощь вероломным! Он вложил вам в руки этот перстень. Вы коварно подсунули мне мой.

Минна. Телльхейм, как у вас разыгралось воображение! Успокойтесь и выслушайте меня.

Франциска (про себя). Поделом ей!

Явление одиннадцатое

Вернер с кошельком, наполненным деньгами, фон Телльхейм, Минна, Франциска, Юст.

Вернер. Вот и я, господин майор.

Фон Телльхейм (не глядя на него). Кто тебя звал?

Вернер. Вот деньги, тысяча пистолей.

Фон Телльхейм. Они мне не нужны!

Вернер. Завтра, господин майор, вы можете располагать еще такой же суммой.

Фон Телльхейм. Оставь свои деньги при себе!

Вернер. Это ведь ваши, господин майор... Вы, кажется, и не видите, с кем говорите.

Фон Телльхейм. Убирайся со своими деньгами, говорю я тебе.

Вернер. Что с вами?.. Я - Вернер.

Фон Телльхейм. Доброта - одно притворство; услужливость - сплошная фальшь.

Вернер. Это вы на мой счет?

Фон Телльхейм. Думай, что хочешь!

Вернер. Я только выполнил ваше приказание.

Фон Телльхейм. Так выполни и второе: убирайся!

Вернер. Господин майор... (С раздражением.) Я - человек!..

Фон Телльхейм. Хорош ты, значит...

Вернер. У которого есть желчь...

Фон Телльхейм. Прекрасно! Желчь - это еще лучшее, что у нас есть.

Вернер. Послушайте, господин майор...

Фон Телльхейм. Сколько раз мне повторять тебе? Мне не нужны твои

деньги!

Вернер (с гневом). Ну, пусть берет их, кто хочет! (Бросает кошелек к ногам Телльхейма и отходит в сторону.)

Минна (к Франциске). Ах, дорогая Франциска! Надо было мне послушаться тебя! Я слишком далеко зашла со своей шуткой. Но он должен выслушать меня. (Идет к Телльхейму.)

Франциска (не отвечая Минне, подходит к Вернеру). Господин вахмистр!

Вернер (ворчливо). Да отстаньте...

Франциска. У! Уж эти мужчины!

Минна. Телльхейм, Телльхейм!

Он яростно кусает пальцы, отворачивается и ничего не слышит.

Нет, это уж слишком!.. Слушайте же!.. Вы заблуждаетесь!.. Все это простое недоразумение, Телльхейм!.. Вы не хотите выслушать вашу Минну? И вы могли заподозрить!.. Мне - порвать с вами? И я для этого приехала? Телльхейм!

Явление двенадцатое

Те же. Двое слуг вбегают один за другим в залу.

Первый слуга. Сударыня, его сиятельство граф!

Второй слуга. Он идет сюда, сударыня!

Франциска (подбежав к окну). Это он! Это он!

Минна. Это он? Ну, скорей, Телльхейм!

Фон Телльхейм (вдруг опомнившись). Кто? Кто идет? Ваш дядя, сударыня? Этот жестокий дядя? Пусть явится, пусть явится! Не бойтесь! Он не посмеет оскорбить вас даже взглядом! Он будет иметь дело со мною. Правда, вы того не заслужили...

Минна. Скорей обнимите меня, Телльхейм, и позабудьте обо всем...

Фон Телльхейм. А! Если бы я знал, что вы раскаетесь!..

Минна. Нет, я не могу раскаяться в том, что так глубоко заглянула в ваше сердце. Ах, какой же вы человек! Обнимите вашу Минну, вашу счастливую Минну! Которая никогда не была так счастлива, как сейчас, благодаря вам! (Бросается в его объятия.) А теперь - ему навстречу!

Фон Телльхейм. Кому навстречу?

Минна. Лучшему, пока еще незнакомому вам другу.

Фон Телльхейм. Как?

Минна. Графу, моему дяде, моему отцу, вашему отцу... Мое бегство, его гнев, угроза лишиться меня наследства, - разве не ясно, что все это выдуманно?.. Ах, легковёрный рыцарь!

Фон Телльхейм. Выдуманно? А перстень, перстень?

Минна. Где перстень, который я возвратила вам?

Фон Телльхейм. Вы снова берете его? О, если так, я счастлив! Вот он, Минна! (Вынимает перстень.)

Минна. Да рассмотрите его сначала! О, эти слепцы, не желающие прозреть!.. Что это за перстень? Тот, что я дала вам, или что вы дали мне? Не тот ли это самый, который я не хотела оставить в руках хозяина?

Фон Телльхейм. Боже, что я вижу? Что я слышу?

Минна. Как же, прикажете взять его у вас? Дайте его сюда! Дайте сюда! (Вырывает перстень у него из рук и сама надевает ему на палец.) Ну? Теперь все в порядке?

Фон Телльхейм. Где я? (Целует ее руку). О злой ангел! Так мучить меня!

Минна. Это предупреждение, дорогой супруг: если бы вы вздумали когда-нибудь сыграть со мною шутку, я тотчас же отплатила бы вам тем же... Вам разве не приходит в голову, что вы тоже мучили меня?

Фон Телльхейм. О притворщицы! Как же я не разгадал вас!

Франциска. Нет, воистину! Плохая из меня притворщица! Меня бросало в жар и холод, и приходилось прикрывать рот рукой.

Минна. И мне моя роль далась нелегко! Ну, а теперь идемте!

Фон Телльхейм. Я все еще не могу опомниться. Как мне хорошо, как жутко!.. Точно я вдруг пробудился от страшного сна!

Минна. Мы замешкались. Он уже идет.

Явление тринадцатое

Те же и граф фон Брухзаль, в сопровождении слуг и Хозяина.

Граф (входя). Значит, она благополучно прибыла?

Минна (бежит навстречу ему). Ах, мой отец!

Граф. Вот и я, дорогая Минна! (Обнимая ее.) Но что это, моя девочка? (Замечает Телльхейма.) Не прошло еще и суток, как ты здесь - и вот уже знакомые, уже гости!

Минна. Угадайте, кто это?

Граф. Неужели твой Телльхейм?

Минна. А кто же, как не он? Подойдите, Телльхейм. (Подводит его к графу).

Граф. Сударь, мы никогда не видели друг друга; но с первого же взгляда мне показалось, что я узнал вас. И я желал, чтобы это были вы. Обнимите меня. Я глубоко уважаю вас и прошу вас быть моим другом. Моя племянница, моя дочь любит вас...

Минна. Вы это знаете, отец... И разве моя любовь слепа?

Граф. Нет, Минна, любовь твоя не слепа; но твой возлюбленный - нем.

Фон Телльхейм (бросаясь в объятия графа). О, дайте мне опомниться, отец мой!

Граф. Хорошо, сын мой! Мне это понятно. Если уста немы, говорит сердце. Вообще я не особенно люблю офицеров, носящих мундир этого цвета. (Показывает на мундир Телльхейма.) Но вы честный человек, Телльхейм, а честного человека надо любить, в каком бы он ни был облачении.

Минна. О, если бы вы знали все!

Граф. А что же мне мешает обо всем узнать? Где мои комнаты, господин хозяин?

Хозяин. Соблаговолите пройти сюда, ваше сиятельство.

Граф. Идем, Минна. Идемте, господин майор. (Уходит с хозяином и слугами.)

Минна. Идемте, Телльхейм!

Фон Телльхейм. Сию минуту, сударыня. Одно только слово этому человеку! (Оборачивается к Вернеру).

Минна. И самое приветливое... Мне кажется, это ваш долг! Не так ли, Франциска? (Следует за графом.)

Явление четырнадцатое

Фон Телльхейм, Вернер, Юст, Франциска.

Фон Телльхейм (указывая на кошелек, брошенный Вернером). Вот, Юст! Подыми кошелек и неси его домой! Иди.

Юст уходит с кошельком.

Вернер (который все еще стоит в углу, рассерженный и, невидимому, ко всему безучастный, услышав эти слова, восклицает). Ну, вот!

Фон Телльхейм (подходит к нему, говорит сердечным тоном). Вернер, когда я могу получить вторую тысячу пистолей?

Вернер (сразу развеселившись). Завтра, господин майор, завтра!

Фон Телльхейм. У меня уже нет необходимости быть твоим должником. Но я стану твоим казначеем. Всех вас, добросердечных людей, нужно взять под опеку! Вы своего рода расточители!.. Я рассердил тебя, Вернер.

Вернер. Да, рассердили, клянусь моей бедной душой! Но зря я сыграл такого дурака! Теперь-то мне это видно! Я заслужил сотню ударов плетью. Прикажите мне их дать, только не сердитесь больше, господин майор.

Фон Телльхейм. Сердиться? (Пожимая ему руку.) Прочти в моих глазах все, что я не умею высказать. Ах! Хотел бы я видеть человека, у которого девушка прекрасней моей и друг - вернее! Не правда ли, Франциска? (Уходит.)

Явление пятнадцатое

Вернер, Франциска.

Франциска (про себя). Да, конечно, это очень хороший человек. В другой раз такого не встретишь. Надо ему все сказать. (Робко и стыдливо приближается к Вернеру.) Господин вахмистр...

Вернер (вытирает глаза). Что скажете?

Франциска. Господин вахмистр...

Вернер. Что угодно барышне?

Франциска. Взгляните на меня, господин вахмистр...

Вернер. Не могу. Не знаю, что попало мне в глаз.

Франциска. А все же взгляните!

Вернер. Боюсь, что я и так слишком на вас заглядывался, барышня. Ну, вот, гляжу... А что же?

Франциска, Господин вахмистр, а вам не нужна ли госпожа вахмистерша?

Вернер. Это вы серьезно, барышня!

Франциска. Вполне.

Вернер. И вы поехали бы со мною в Персию?

Франциска. Куда только вы пожелаете.

Вернер. В самом деле? Эй, господин майор! Не кичитесь! Теперь у меня, по меньшей мере, такая же прекрасная девушка и такой же верный друг! Дайте мне вашу руку, барышня! Значит, по рукам! Через десять лет быть вам! генеральшей или вдовой!

ПРИМЕЧАНИЯ

Минна фон Барнхельм

Комедия "Минна фон Барнхельм" написана в 1763-1767 гг. и появилась впервые в 1767 г. отдельным изданием и в I томе собрания комедий Лессинга. Комедия не сразу пробилась на сцену. Прусские власти воспротивились ее постановке. Первая постановка "Минны фон Барнхельм" состоялась в Гамбурге 30 сентября 1767 г., затем комедия была представлена во Франкфурте-на-Майне, Вене, Лейпциге и, наконец, 21 марта 1768 г. в Берлине, где имела шумный успех и давалась по требованию публики 10 раз подряд. Действие комедии происходит в Берлине, тотчас после Губертсбургского мира (15 февраля 1763 г.), положившего конец Семилетней войне.

На русский язык "Минна фон Барнхельм" была переведена в 1779 г. под названием "Солдатское счастье".

Доппельлакс - сорт водки.

Дело при Каценхойзере - имеется в виду сражение между пруссаками

и австрийцами при Кацбахе в 1760 г.

"...мудрыми распоряжениями нашей полиции..." - сатирический выпад против полицейского режима Фридриха II. Меринг так комментирует поведение хозяина: "Хозяева, рестораторы и владельцы гостиниц были обычно шпионами Фридриха; половина причитавшейся с них аренды, а иногда вся аренда уплачивалась из его кассы, за что хозяева гостиниц были обязаны ежедневно доносить полиции о всех разговорах и встречах, происходивших в их помещении, а у подозрительных лиц делать по возможности "точные протокольные извлечения" из "имеющихся у них бумаг" (Ф. Меринг. Литературно-критические работы, т. I, М.-Л., 1934, стр. 385).

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)